

Али Смит

содержит
18+
язычную
оранж

ДРЕВО

ДОЛГОЖДАННОЕ ЗАВЕРШЕНИЕ
СЕЗОННОГО КВАРТЕТА

Али Смит

Лето

**Серия «Литературные
хиты: Коллекция»**

**Серия «Литературные хиты:
сезонный квартет Али Смит»**

Серия «Сезонный цикл», книга 4

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66116242*

*Лето: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-157437-6*

Аннотация

«Лето» – долгожданная завершающая часть сезонного квартета. Цикл начался еще в 2016 году, и первый роман, «Осень», попал в шорт-лист Букеровской премии 2017 года. С тех пор в свет вышли еще два романа, «Зима» и «Весна», и проза Али Смит полюбилась многим. А также была не раз отмечена различными зарубежными и отечественными изданиями. В «Лете», последней книге сезонного цикла, речь пойдет о Саше и ее семье, живущих в наше время. Как и всегда, текст Али Смит невероятно в моменте, и самые последние, самые актуальные

события мировой истории окажутся запечатленными на этих страницах.

В настоящем Саша знает, что все идет наперекосяк. Ее брат Роберт – ходячая беда. Между матерью и отцом не ладится. А мир в раздрае – и ведь станет только хуже.

А в прошлом лето было прекрасно. Другие брат и сестра еще не знали, что ждет их впереди.

Это история о людях на пороге больших перемен. Они родня, но словно чужие друг другу. Так с чего начинается семья? И что общего у людей, которым кажется, что их ничего не объединяет?
Лето.

Содержание

1
Конец ознакомительного фрагмента.

8
99

Али Смит

Лето

*Посвящается моим сестрам
Мари Моррисон
и Энн Маклауд*

*моим друзьям
Полу Бейли
и Бриджет Ханниган*

*памятүя
о моей подруге
Саре Дэниэл*

*и посвящается
моей закадычной подруге
Саре Вуд*

*Стояла летняя ночь, и в большой комнате
с открытыми окнами в сад они беседовали о
выгребной яме.*

Вирджиния Вулф

Боже, сохрани мне память!
Чарльз Диккенс

Как ни безбрежна тьма, мы должны излучать

свой свет.
Стэнли Кубрик

*Я вспомнил, как тот человек,
женщина иль мужчина, отвел меня в дальнюю
горную солнечную страну, где я научился
счастью,
всего лишь минута – в камине теплилось пламя,
но оно сожгло бы все беды дотла,
если б могло: зола, подобная той, о которой
скорбим,
пока гробы с обыденным ужасом рушатся
в рев, и дым, и свет, и почти ничто.
Не совсем уж ничто – его воспеваю, о нем пишу.*

Эдвин Морган¹

Она тепла!

Уильям Шекспир

Ali Smith
Summer

---

¹ Эдвин Джордж Морган (1920–2010) – шотландский поэт, переводчик, эссеист и литературный критик, представитель шотландского Возрождения. Член Королевского общества Эдинбурга. – *Здесь и далее прим. пер.*

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © 2020 Ali Smith

All rights reserved

© Нугатов В., перевод на русский язык, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

1

Все говорили: «Ну и?»

Типа «ну и что?». Типа «пожимали плечами», или «что мне, по-вашему, нужно делать?», или «на самом деле мне похер», или «вообще-то я это одобряю, меня это устраивает».

Ладно, не все так говорили. Это просто разговорное выражение наподобие фразы «все так делают». Я хочу сказать, эта пренебрежительная интонация тогда была четким маркером конкретного времени, чем-то вроде лакмусовой бумажки. Примерно тогда стало модно вести себя так, словно тебе все равно. И модно стало твердить, что люди, которым не все равно или которые так говорили, либо безнадежные неудачники, либо просто выпендриваются.

Как будто это было в прошлой жизни.

Но это не так – прошло буквально несколько месяцев с тех пор, как людей, проживших в этой стране всю жизнь или большую ее часть, начали арестовывать и угрожать им депортацией или депортировать: «Ну и?»

С тех пор как правительство прекратило работу собственного парламента, поскольку тот не смог добиться результата, который был нужен правительству: «Ну и?»

С тех пор как многие люди проголосовали за то, чтобы к власти пришли люди, кто смотрел им прямо в глаза и лгал:

«Ну и?»»

С тех пор как один континент сторел, а другой растаял:
«Ну и?»»

С тех пор как власти предержавшие по всему миру начали делить людей на группы по религиозному, этническому, половому, интеллектуальному признакам или по признаку политического инакомыслия: «Ну и?»»

Хотя нет. Правда. Не все так говорили.

Далеко-далеко не все.

Миллионы людей так не говорили.

Миллионы и миллионы по всей стране и по всему миру замечали ложь, дурное обращение с людьми и с планетой и открыто об этом высказывались – на маршах, в акциях протеста, писали, голосовали, говорили, занимались активизмом, по радио, на телевидении, в социальных сетях, твит за твитом, страница за страницей.

В ответ на это люди, знавшие силу слов «ну и?», говорили по радио, на телевидении, в социальных сетях, твит за твитом, страница за страницей: «Ну и?»»

Я хочу сказать, что могла бы всю жизнь перечислять, рассуждать и демонстрировать при помощи документов, графиков, примеров и статистических данных то, что, как наглядно показала история, происходит, когда мы равнодушны, и каковы последствия политического культивирования равнодушия, но всякий, кто захочет опровергнуть мои доводы, моментально отмахнется своим язвительным кратким

«ну и?»

Ну и...

Лучше я опишу здесь то, что однажды увидела.

Это кадр из фильма, снятого в Великобритании лет семьдесят назад, вскоре по окончании Второй мировой войны.

Фильм был снят в Лондоне молодой художницей, приехавшей в город из Италии, когда Лондон был одним из множества мест, которые пришлось заново отстраивать в те годы, чуть ли не в прошлой жизни, после того как десятки миллионов людей всех возрастов по всему миру умерли раньше срока.

Это кадр с женщиной, несущим два чемодана.

Мужчина изящный, молодой, растерянный и робкий, в щеголеватой шляпе и пиджаке, с легкой, но в то же время отягощенной походкой. Ясно, что она была бы отягощенной, даже если бы он и не нес два чемодана. Он серьезный, стройный, задумчивый, страшно бдительный. Его силуэт вырисовывается на фоне неба, поскольку он балансирует на очень узком кирпичном выступе, проходящем вдоль края высокого здания, и по всей его длине мужчина радостно, безрассудно пляшет, а за спиной у него – помятые лондонские кровли; нет, если точнее, эти крыши далеко внизу под ним.

Как он может идти так быстро и при этом не упасть с края здания?

Как его действия могут быть такими сумасбродными, но столь грациозными, такими назойливыми и столь беспечно-

ми?

Как он может размахивать вот так в воздухе этими чемоданами и при этом сохранять равновесие? Как он может двигаться на такой скорости рядом с обрывом?

Почему он рискует всем?

Нет смысла показывать стоп-кадр или фото. Это движущееся изображение в полном смысле слова.

Всего несколько секунд он исполняет безумный, но веселый и дерзкий танец над городом, слишком уж быстро двигаясь по зигзагообразному выступу шириною в один кирпич.

Ну и:

Стану ли я героиней повествования о собственной жизни, – говорит мать Саши.

Затем она говорит: Саша, *что* это? Откуда это?

Саша завтракает, глядя в свой телефон, в гостиной. Громкость на телевизоре повышена на несколько лишних делений, и мать его перекрикивает.

Не знаю, – говорит Саша.

Она говорит это на обычной громкости, так что вполне возможно, мать ничего не услышала. Хотя это и не имеет значения.

Героиня собственной жизни, – мать ходит взад-вперед по комнате, повторяя это снова и снова. Героиня собственной жизни, затем что-то про место, которое следует занять. Откуда это?

Как будто это так важно.

Саша качает головой, но так, чтобы не было заметно, что она ею качает.

Мать не догадывается.

Примерно то же самое произошло вчера вечером из-за цитаты, которую Саша нашла в интернете для сочинения о прощении, заданного Мерчистоном к сегодняшнему уроку. В знак того, что прошла неделя после Брекзита, всех заставили написать сочинение на тему «Прощение». Саша очень подозрительно относится к прощению. Сказать «я прощаю тебя» – все равно что сказать «ты хуже меня, и у меня моральное или должностное превосходство».

Но за такое правдолюбие Мерчистон снижает оценку на балл, и весь класс теперь точно знает, как следует отвечать, чтобы получать нужные отметки.

Ну и, поскольку сочинение надо сдать уже сегодня, вчера поздно вечером Саша подобрала в Сети пару цитат.

«Как благочестиво высказался писатель прошлого столетия, «прощение – это единственный способ обратить вспять необратимый ход истории».

Мать снова вошла в ее спальню без стука и посмотрела на экран через Сашино плечо.

Вот это хорошо, эта цитата, – сказала мать. – Мне нравится.

Мне тоже нравится, – согласилась Саша.

А «благочестиво» – подходящее слово? – сказала мать. –

Это звучит не благочестиво, а, скорее, философски. Разве это религиозный автор? Кто это написал?

Да, это религиозный автор, – сказала Саша, хоть сама была и без понятия, не знала, кто это написал, и написал слово «благочестиво», потому что оно хорошо звучало в предложении. Но теперь, когда мать дышала ей в затылок, разглагольствуя о том, кто же автор, Саша открыла поисковик и набрала слова «необратимый», «ход», «история». Появилась цитата.

Какое-то европейское имя, – сказала она.

А, это Арендт. Ханна Арендт², – сказала мать. – Мне бы хотелось прочитать, что Арендт пишет о прощении, очень хотелось бы прочитать об этом прямо сейчас.

«Забавно», – подумала Саша, учитывая, что мать с отцом уже очень долго ничего друг другу не прощали.

Хотя вряд ли я назвала бы ее религиозным автором, – сказала мать. – Что за источник?

Brainyquote, – сказала Саша.

Это не источник, – сказала мать. – Там приводится первоисточник? Посмотри. Не приводится. Это ужасно.

Brainyquote – и есть источник, – сказала Саша. – Там я и нашла цитату.

Нельзя же указать Brainyquote в качестве источника, – сказала мать.

---

² Ханна Арендт (1906–1975) – немецко-американский философ, политический теоретик и историк, основоположница теории тоталитаризма.

Можно, – сказала Саша.

Нужна ссылка на первоисточник, – сказала мать. – Иначе непонятно, откуда взяты слова Ханны Арендт.

Саша показывает экран. Поворачивает его к матери.

Brainyquote. Quotepark. Quotehd. Azquotes. Facebook. Goodreads. Picturequotes. Quotefancy. Askideas. Birthdaywishes.expert, – сказала она. – Все эти ресурсы появляются, если набрать фрагменты цитаты. Это лишь топовые источники. Ее слова на массе сайтов цитируются.

Нет, ведь если эти сайты лишь *утверждают*, что цитируют ее, этого недостаточно, – сказала мать. – Ты должна просмотреть все эти сайты, чтобы выяснить, что они на самом деле цитируют. Контекст. Это важно.

Ну да, но мне этого знать не надо, – сказала Саша.

Ну да, надо, – сказала мать. – Проверь, вдруг на каком-нибудь из этих сайтов упоминается первоисточник.

Первоисточник – это интернет, – сказала Саша.

Мать ушла.

Минут на десять все затихло.

Саша снова задышала нормально.

Затем мать, просмотрев, очевидно, на кухонном ноутбуке Brainyquote, Quotepark и так далее, крикнула с первого этажа, словно Brainyquote, Quotepark и так далее оскорбили ее лично.

Ни один из этих сайтов, ни один из них не приводит первоисточник, Саш. Я не могу найти, где Арендт это напи-

сала. Поэтому ты не должна использовать цитату. Так делать нельзя.

Ладно, спасибо, – крикнула в ответ Саша из своей спальни.

А затем продолжила заниматься тем, чем занималась, не обращая внимания на мать.

Возможно, это даже не Арендт сказала, – кричала теперь мать, уже поднявшись на середину лестницы.

Она кричала так, словно ее никто не слышит.

Это не достоверно, – крикнула мать.

Кому нужно, чтобы школьное домашнее задание было достоверным? – сказала Саша.

Мне нужно, – крикнула мать. – Тебе нужно. Нужно всем людям, которые пользуются источниками.

Для поколения ее матери треволения о подобных вещах были «смещенной активностью», позволявшей не волноваться о реальных событиях, происходящих в мире. Но на тот случай, если мать все-таки была права, Саша сказала:

А если я отмечу в конце, что в интернете эти слова приписываются Ханне?

Она снова заглянула в интернет, чтобы найти фамилию человека, который это сказал.

Этого недостаточно, – крикнула мать, снова без приглашения войдя в комнату. – Ведь нет никаких доказательств, что Ханна Арендт когда-нибудь это говорила. А если это был кто-то другой, не получивший заслуженных лавров? Или,

возможно, *никто* не говорил этого *ни в одном* первоисточнике, а кто-то где-то просто *придумал*, что Ханна Арендт это сказала, опубликовал фразу в Сети, а потом ее растащили по всем этим сайтам?

Тогда Ханна Арендт была бы довольна, кем бы она там ни была, – сказала Саша (на нормальной громкости, чтобы мать поняла, как сама орет). – Это было хорошо сказано.

Ты не можешь говорить за Ханну Арендт, – сказала мать (да, не на таких повышенных тонах, уже лучше). – Тебе бы понравилось, если бы в интернете что-то процитировали, а потом сказали, что это сказала Саша Гринлоу?

Я была бы не против. Я была бы довольна, что кто-то где-то решил, будто я сказала что-то хорошее, – сказала Саша.

А, ясно. Все дело в одобрении. Ты ведешь себя так, словно вы с Робертом одногодки, – сказала мать.

Нет, – сказала Саша, – если бы мне еще *было* тринадцать или я, боже упаси, случайно оказалась Робертом, то я бы сказала: сейчас же вернись к возрасту бессмысленного образовательного педантизма.

Перестань, Саш, – сказала мать. – Источник. Это важно. Подумай почему.

Я думаю о том, – сказала Саша, повернувшись лицом к матери, – что я учусь на правильном допустимом уровне.

Тот уровень внимательности, о котором я говорю, необходим во *всем*, – сказала мать, снова заговорив громче (словно громче означало правее). – А то, что ты называешь пра-

вильным допустимым уровнем, всего-навсего общественная уловка.

Ее мать уже так сильно размахивала руками в воздухе, что даже задела и раскачала абажур в Сашиной комнате.

А если бы в один прекрасный день ты проснулась и обнаружила, что по всей Сети говорится, что *ты* сказала то, чего никогда в жизни не говорила? – сказала мать.

Я бы просто сообщила всем, что никогда этого не говорила, – сказала Саша.

А если бы ты зашла в интернет и обнаружила, что тысячи людей все равно на тебя злятся? – сказала мать. – Если бы нечто наподобие того, что случилось с твоим младшим братом, случилось с тобой?

С таким нагромождением ничего не поделаешь, – сказала Саша. – Поэтому мне все равно, кто что думает. Лично я знала бы, что говорила правду. Я – свой собственный источник. Сходи лучше его подоставай. У меня на это нет времени.

И сходила бы. Только его нет дома, – сказала мать.

Уже десять часов, – сказала Саша. – Ему тринадцать лет. Что же ты за мать?

Такая, что старается ради обоих своих детей вопреки непреодолимым препятствиям, – сказала мать.

С этого и надо начинать, – сказала Саша.

Если бы твоя репутация была разрушена и ты не могла никуда пойти, потому что все называли бы тебя бесчестной лгуньей? – сказала мать.

Я бы их простила, – сказала Саша.

Ты бы что? – сказала мать.

Прощение, – сказала Саша, – единственный способ обратиться вспять необратимый ход истории.

Наступила короткая пауза, почти похожая на паузу во время театральной постановки. Потом мать расхохоталась.

Потом Саша тоже рассмеялась.

Мать подошла и крепко обняла Сашу, сидевшую за столом.

Умница ты моя, – сказала мать.

Сашина грудь наполнилась той теплотой, о которой когда-то, еще совсем малышкой, дочь спросила мать, ведь теплота была такой приятной, и мать сказала: «Это твое внутреннее лето».

Но тебе придется стать еще умнее, – сказала мать, все так же крепко ее обнимая. – Умные девочки должны превзойти...

Правильный допустимый уровень ума, – сказала Саша, уткнувшись матери в бок.

Это было вчера вечером. Сейчас утро следующего дня. Саша пробралась сюда, чтобы попытаться спокойно позавтракать, просматривая у себя на телефоне новости и все посты на фейсбуке подряд. Но покоя нет. Мать бродит по гостиной, что-то выкрикивая и размахивая чашкой кофе, причем жидкость порой расплескивается и проливается на пар-

кет: Саше уже пару раз пришлось переставлять портфель.

Телевизор включен слишком громко, а дикторы новостей в студии и за ее пределами тоже бродят и бредят в своей привычной сюрреалистической манере. После того как Саша посмотрела передачу, где знаменитости наряжаются в костюмы с огромными головами и поют песни, а жюри и публика пытаются угадать, кто под маской, Сашу осенило, что вообще-то все и вся на телевидении похожи на людей в масках. Однажды увидев, больше нельзя это развидеть.

«Снимите ее! Снимите ее!» – кричат жюри и публика знаменитости, которая проигрывает и вынуждена снять маску, чтобы люди могли наконец увидеть, кто скрывался под ней все это время.

Саша однажды слышала, как орава мужиков кричала девушке возле причала:

«Сними ее!»

Стану ли я, – говорит мать, – героиней повествования о собственной жизни. Или это место... место... займет кто-нибудь другой. Займет.

Просто поищи, – говорит Саша.

Нет, – говорит мать.

Я поищу за тебя, – говорит Саша.

Нет. Не надо, – говорит мать.

Это «не надо» мать говорит со всей возможной свирепостью: в последнее время мать постоянно все забывает и старается никогда не искать в интернете то, что забыла. «Какая

же я климактеричка. Это все из-за климакса». Словно можно избежать неизбежного, просто выкрикнув его название. Она старается заставить себя вспомнить, а не искать ответа. На практике это означает, что мать полчаса всех достает, а уж *потом* заходит в интернет и ищет то, чего там она не может вспомнить.

Займет кто-то другой, – говорит она. – Займет ли это место кто-то другой. Ради бога, Саш, сделай потише, чтобы я могла слышать свои мысли. Чтобы я могла слышать, что у меня их *нет*.

Не могу. Он куда-то ее засунул, – говорит Саша.

Роберт уже ушел в школу. Один из его недавних приколов – повесить громкость на телевизоре на несколько лишних делений и спрятать дистанционку, потому что от телевизора можно чего-то добиться только при помощи дистанционки. Кнопка «вкл/выкл» наверху больше не работает (телевизор довольно старый: отец унес новый в соседний дом, когда съехал). Если выдернуть телевизор из розетки, есть опасность, что он не включится снова. Потому его и никогда не выдергивают.

На экране сейчас чересчур громко передают новостной репортаж о евангелическом митинге, как-то связанном с американским президентом.

Позвони ему, – говорит мать. – Может, он с папой.

«Папа из соседнего дома». Типа ситком для маминого поколения.

Вряд ли, – говорит Саша.

На всякий случай, – говорит мать.

Саша звонит на мобильный Роберта. Тот сразу переключается на автоответчик.

Выключен, – говорит Саша.

Ну разумеется, – говорит мать. – Постучу в стенку.

Вряд ли он там, – говорит Саша.

Эшли больше не впустит к себе Роберта, потому что он: 1) своровал ее арфочку, на которой она играет свои валлийские мелодии, 2) продал инструмент в «Кэш Конвертерс»³, а потом отдал Эшли вырученные деньги в конверте, словно делая одолжение, и 3) сказал Эшли (хоть она и валлийка, то есть вообще-то британка), что в этой стране ее рады видеть разве что как туристку.

Мерси берет библейский пояс долларovým приступом, – говорит телерепортер. – Они называют ее великой белой надеждой.

Все так, Саша никогда не видела ни одного небелого человека ни в одном сюжете о Церкви Святого Духа Мерси Бакс.

«Он сказал мне сказать вам. Он говорит со мной напрямую. Он говорит со мной сейчас. Я слышу Его святой голос, святой голос великого Господа всемогущего, что обращается ко мне Своими святыми устами, Он здесь, и Он говорит это прямо сейчас: милосердие, милосердие». («Милосердие!

---

³ Австралийская розничная ломбардная компания, открывшая сеть своих магазинов в Великобритании.

милосердие!» – кричат ей в ответ люди в церкви, или, возможно: «Мерси! Мерси!» – ведь так ее зовут.)

Кто *это*? – говорит мать, снова проходя через комнату и останавливаясь перед телевизором.

Великая белая надежда, – говорит Саша. – Господь обращается к ней напрямую своим святым голосом, вещая своими святыми устами в ее ушное отверстие.

Мерси Бакс, – говорит мать. – Это вымышленное имя. И этот ужасный акцент. Она очень-очень сильно похожа на Клэр Данн. Если бы Клэр Данн была на тридцать лет старше. Чего уж там, сейчас ей, наверное, столько и есть.

Тебе всегда кажется, что люди по телевизору – это кто-то из твоих знакомых, – говорит Саша.

Нет, я ее узнала. Я с ней работала. Если это Клэр, значит, она сделала ринопластику, – говорит мать. – Нос другой.

Нос другой, потому что это не твоя знакомая, – говорит Саша.

Саша искоса смотрит на мать. Обычно, когда мать вспоминает свое актерское прошлое, это сигнал о том, что сейчас она уязвима. Сашина мать когда-то была актрисой – еще до того, как познакомилась с их отцом и снялась в какой-то рекламе, но, после того как появились Саша и ее брат, все забросила. Еще это связано с тем, о чем никому в семье нельзя говорить вслух – о матери ее матери, которая умерла, когда их мать еще была ровесницей Роберта, выпив слишком много таблеток, – их мать говорит, что по ошибке, и все, вклю-

чая Сашину мать, знают, что, возможно, совсем не по ошибке, но никогда об этом не говорят (даже Роберт).

Но мать не кажется уязвимой. Просто чуть-чуть уставшей.

Репортаж заканчивается проекцией за спиной Мерси Бакс со счетчиком, показывающим, что суммы пожертвований вырастают на сотни долларов в секунду.

Следующий новостной сюжет – о природных пожарах в Австралии.

Январь у них был жарким, – говорит мать.

Самым жарким за все время наблюдений, – говорит Саша. – Сейчас уже февраль, а эти пожары до сих пор бушуют.

Перемотай новости назад, – говорит мать. – Давай еще разок взглянем на Клэр.

Саша показывает и разжимает руки.

Не могу, – говорит она.

Мать ищет дистанционку, ощупывая по бокам диван. Проверяет за вещами на полке. Затем в растерянности останавливается посреди комнаты.

Саша ненавидит, когда мать в растерянности.

Наверное, у него в комнате, – говорит Саша.

Или забрал с собой в школу, – говорит мать.

Саша идет в прихожую и натягивает куртку. Смотрит на себя в зеркало.

Не могу перемотать назад, – кричит из кухни мать.

Мне пора, – отзывается Саша.

Но, уловив в голосе матери нотку паники, она проходит

в кухню.

Так и есть: дело не просто в маминой никчемности – «Ай-плеер Би-би-си»⁴ не пашет. Но Саша может выручить мать и при этом сбежать в школу, ведь у пасторки Мерси Бакс есть собственный канал на ютьюбе.

МЕРСИ БАКС СПАСАЕТ

Во всех названиях роликов Мерси Бакс есть слово «белый» и его производные.

«Белизна его кожи».

«Узрите белое облако».

«Ветви уже побелели».

Саша щелкает на самый последний ролик, загруженный вчера. «Великий белый престол». 444 тыс. просмотров.

Современная церковь с высоким потолком, за спиной у Мерси Бакс светятся неоновые слова: «Извлеки прибыль из Евангелия».

Прибавьте 3-ю Книгу Царств 21:2 к Евангелию от Матфея 6:33, – говорит Мерси Бакс. – «Дам тебе серебра, сколько он стоит» плюс «Ищите же прежде Царства Божия». Только так может хоть что-то истинно сложиться в жизни, ибо Господь – начальник нашей корпорации. Господь – самый главный бухгалтер. И Господь знает все. Господь знает вас. Господь знает, что у вас есть и чего у вас нет. Не думайте, будто Бог Отец не способен заглянуть даже в самый закодированный банковский счет. Господь может подсчитать все до гро-

---

⁴ BBC iPlayer – потоковое интернет-телевидение и радио в Великобритании.

ша, до цента. Точно так же, как вы готовы обсчитать Господа. Точно так же, как вы готовы пожертвовать во имя Господа, дабы обрести духовное имущество. Ведь Господь благоволит тем, кто жертвует сбережениями. Господь вознаграждает тех, кто воздает Господу то, что принадлежит Господу. Господь неожиданно одаривает тех, кто проявляет себя достойным. Господь осыпает благами тех, кто благодетельствует доброй церкви Господней.

Мерси Бакс говорит все это нараспев, а паства колышется и раскачивается в телевизионном свете, словно на рок-концерте, выбрасывая вверх кулаки с телефонами и раздражаясь пением «Милосердие, Милосердие, Аллилуйя» на старый мотив «Слава, Слава».

Мерси поднимает руку, чтобы унять паству.

И Господь говорит, что никто, никто истинно верующий никогда не смог бы сказать о нашем президенте ничего дурного, порочащего или дискредитирующего, – говорит она.

Сашу разбирает смех.

Господь говорит, что всякий, кто говорит подобное, вещает злым языком, – говорит Мерси. – Господь знает, что разбирательство об импичменте было злым делом. Господь очищает имя нашего президента с каждым вздохом, что совершает наш президент! Я знаю Господа. Господь знает меня. Верьте мне. Верьте мне. У меня экстренная связь с Господом, я на прямой линии с Господом, и Господь сказал, чтобы я велела вам поддерживать нашего великого-превеликого

президента, посланного сюда на землю делать великую-превеликую работу, которую поручили ему лично Бог Отец и Иисус Спаситель...

Саша так хохочет, что чуть не опрокидывает стул, на котором сидит. Мать качает головой.

Я так понимаю, в последнее время мы настолько привыкли к беззастенчивости, что эта беззастенчивость должна становиться еще беззастенчивее, – говорит мать.

Ну да, но каков подлог, – говорит Саша.

Так было с давних пор, – говорит мать, – когда впервые лето облекло листвой деревья⁵.

Теперь мать произносит строки из тех времен, когда она была актрисой. Но за всю свою жизнь мать вроде как снялась лишь в телерекламе жидкости для мытья посуды еще до всего. Саше показывали эту рекламу в детстве, видеокассета стоит в буфете, но теперь ее нельзя посмотреть, ведь не осталось в живых ни одного видеопроигрывателя. Там девушка, стройная незнакомка с уложенной прической (трудно поверить, но это действительно ее мать, еще в те времена), стоит на кухне и, наклоняясь, берет тарелку у малыша в полицейском шлеме, объясняющего этой женщине, которая считается его матерью, что, плохо отмывая эти тарелки, она совершает преступление.

...потому жертвуйте, жертвуйте, жертвуйте и поступайте праведно, помогайте мне уготовить путь Господу, ибо, Боже

---

⁵ Шекспир. «Много шума из ничего». Акт 2. Сцена 3.

милостивый, изо дня в день молюсь я о трех вещах: зрите меня ясно, любите меня горячо, подписывайтесь на меня в социальных сетях и жертвуйте, жертвуйте день за днем день за днем день за днем...

Сейчас она просто цитирует «Годспелл»⁶, – говорит мать.

Что еще за «Годспелл»? – говорит Саша.

Старый мюзикл, – говорит мать. – Мы вместе играли в «Годспелле». Мы играли в «Много шума». Потом участвовали в шекспировско-диккенсовских летних гастролях по восточным графствам.

Тем временем камера показывает крупным планом людей из публики. У одних гордый вид. У других – сломленный. У третьих – отчаянный. Четвертые горят надеждой. У всех вид несчастный. Большинство поднимают свои телефоны вверх и машут ими. Остальные делают на своих телефонах пожертвования. На экране крупным планом появляется размытое лицо Мерси.

Угу, – говорит мать. – Сто процентов.

Отправить в спящий режим или будешь дальше смотреть? – говорит Саша.

...вам грустно? Я вижу вас – вам одиноко? Я вижу вас – вам тревожно? Вы на иголках? Погрязли во грехе? Я вижу вас – вы устали? Вас на работу брать перестали? Жизнь превратила вас в собственную тень? Вы ни живы ни мертвы?

---

⁶ «Day by Day» – фолк-рок-баллада из мюзикла «Годспелл» С. Шварца и Дж.-М. Тебелака (1971).

Вы собственный призрак, бестелесный дух? Тогда слушайте, ибо Господь речет через меня, требуется, требуется...

Саша двигает курсором и щелчком убирает страницу.

Требуется, чтобы вы пробудили свою веру, – говорит мать.

...пробудили свою веру, – говорит Мерси Бакс через долю секунды после матери, за долю секунды до того, как Мерси Бакс исчезает с экрана.

Мать кивает.

«Зимняя сказка», лето 89-го. Я играла Гермину. А она была дублершей. Саша, ты совсем опоздаешь. Тебя подбросить? Ах да, какая же я дура. Миз «Эмбарго на автомобили-2020». Забыла.

Ты не забыла, – говорит Саша. – Просто не можешь допустить, что другие пытаются геройствовать.

Вряд ли я назвала бы попыткой геройства отказ ездить на бензине, – говорит мать. – Возможно, принцип. Но геройство?

Что это еще за «Зимняя сказка летом 89-го»? – говорит Саша.

«Зимняя сказка» – пьеса Шекспира, – говорит мать.

Это-то я знаю, – говорит Саша (хотя в действительности не знала или, по крайней мере, не была до конца уверена).

А лето 89-го давным-давно в прошлом. Теперь это допотопные времена, – говорит мать.

Доп. к чему? – говорит Саша.

Не доп., а до. Раньше. До потопа. Всемирный потоп, – го-

говорит мать. – Уже двадцать минут. Беги лучше.

Саша подбирает с пола куртку, накидывает обратно на плечи и целует мать в щеку.

С богом, – говорит мать.

Господь повелел тебе это сказать, вещая напрямую в твое ухо своим святым голосом? – говорит Саша.

Да, если заплатишь пятерку, – говорит мать.

«Эмбарго на автомобили». Типа это какой-то прикол, за-
скок.

До-потопный.

Саше очень нравятся слова. Хотя в общем-то дома они ей не достаются, ведь это Роберту должны нравиться слова.

По дороге в школу она ищет «до-потопный» на телефоне.

В слегка другом написании это означает «до Всемирного потопа» с большой «В».

Ну да. Как будто Всемирный потоп с большой «В» относится к прошлому. *Сейчас-то* все мы уже допотопные.

Этого не признают, даже когда видят кадры горящей Австралии. Даже когда полмиллиарда животных – а это означает 500 000 000 отдельных живых существ – гибнет в одном-единственном районе. Даже когда видят фотографии австралийцев, лишенных летнего дневного света и вдыхающих красную пыль на пляже под красным небом, пыль, что свисает, подобно марионеткам, которых никто не в силах дернуть за ниточки, а посередине просто стоит каурый

конь, ошарашенный, величавый, словно доказательство самой непорочности, пока за спиной солнечным маслом растекается на горизонте огненный шар.

500 000 000. Саша пытается представить и учесть каждое погибшее существо по отдельности. Она раскладывает по выжженной равнине мертвых животных попарно, попарно, попарно, помиллионно, сколько не схватит ни один глаз: пепел от кенгуру с пеплом от кенгуру, зола от валлаби с золой от валлаби, угольная пыль от коалы, угольная пыль от коалы.

Саше не хватает воображения.

Она уже знает, что *никогда* не заведет детей. Зачем обречать ребенка на трагедию? Это все равно что рожать ребенка в тюремной камере. А ведь Брайтон – хороший город, один из лучших в стране по озелененности, единственный город во всей Великобритании с «зеленым» членом парламента, и все равно даже здесь люди в местных новостях говорят: «Всемирное потепление – это утка хватит пытаться меня запугать хватит запугивать моих детей всякой чушью чтобы они не могли уснуть все нормально вообще-то мне бы хотелось погоду потеплее всему земному шару это только на пользу лето круглый год было бы здорово». Ее родная мать – сама из числа этих чокнутых. Похоже, мать больше бьеся последствия климакса, чем реальные вещи, происходящие в мире и с миром.

«Климакс – тоже реальность», – говорит сейчас Сашина

мать у нее в голове.

Вот это да.

Подожди-ка.

То, что сейчас произошло у нее в голове, – из той же оперы, что и Господь, вещающий в ухо Мерси Бакс?

Ну да, но Сашина мать *вообще-то* не говорила ей в ухо или у нее в голове. Просто Саша знает, что бы мать сказала, будь она *здесь*. Потому что Саша знает свою мать очень *хорошо*.

Но Бога в реальности нет. Саша в этом вполне уверена.

Бог – плод человеческой потребности и воображения.

А вот мать...

Стопроцентно реальная.

Подожди-ка...

Ведь Бог реально *существует* в нескольких видах: 1) он «реально» существует на этих религиозных шоу для людей, верящих в Бога, 2) он становится для них «реальным», когда якобы физически «вещает кому-то в ухо», и 3) это «реальный» плод воображения Мерси Бакс, приносящий реальный доход самой Мерси Бакс.

Ну и... Как это связано с Сашинной матерью?

Или, точнее, как это связано с Сашинным *представлением* о своей матери?

«Представь, что ты цветок, стоящий в воде, но твое время, когда ты как растение могла впитывать воду, истекло, и ты по закону природы начинаешь вянуть, а вода – хоть ты и

не можешь этого понять, ведь ты же цветок, и все такое, – больше не поднимается по твоему стеблю, как прежде».

Мать поваядилась такое рассказывать. Это продиктовано фрейдистской завистью к молодежи, особенно к своей дочери.

«Интересно, цветы чувствуют то же, что и я, когда с ними это происходит? Цветы чувствуют, что они будто теряют сноровку? Они все время на что-то натываются? Постоянно обо всем забывают? Им кажется, что Саймона Коуэлла⁷ зовут Саймон Кэллоу, хотя они прекрасно знают, что его фамилия – Коуэлл, но почему-то больше не могут к ней пробиться по своим нейронным связям?»

Саша презрительно выдувает воздух сквозь зубы.

Старение вызывает лишь жалость, если используется как отговорка для того, чтобы не нести ответственности.

Мать могла бы лучше стараться.

Саша никогда такой не станет.

Да и вообще, учитывая, что происходит в планетарном масштабе, Саша вряд ли дотянет до возраста, когда это случится.

Матери еще повезло, что она дожила до своих лет.

«Это ты несешь воображаемую чушь, – говорит мать у нее в голове. – Все будет хорошо».

---

⁷ Саймон Филипп Коуэлл (р. 1959) – британский телеведущий, продюсер, деятель теле- и киноиндустрии. Спродюсировал телевизионные шоу «American Idol», «Pop Idol», «The X Factor UK» и «Britain's Got Talent».

Ее мать, реальная или «реальная». Бредят обе.

Но Саше все равно чуть-чуть стыдно за то, что она сердится на мать и так невежливо отзывается о ней у себя в голове.

Что там насчет героинь, занимающих место? Саша поищет и пришлет матери эсэмэску с источником цитаты. Матери будет досадно и *в то же время* приятно. Двух зайцев убьет.

Кошмарная пословица.

В голове жуткие картинки. То, что когда-то было зайцем в поле, со сломанным, перекошенным позвоночником, торчащим из ободранной, обгорелой грудной клетки.

Лучше синица в руке.

Нет. Синица в руке – это неестественно, если только эта синица не захотела сесть тебе на руку добровольно, без всякого принуждения.

Хотя для пословицы и длинновато.

Две синицы в руке.

Св. Франциск.

Саша вспоминает фильм на итальянском, что они смотрели, когда родители еще жили в одном доме и смотрели кино с субтитрами, которые матери не нравились, а отцу нравились, еще когда Саше было, как сейчас Роберту. В фильме св. Ф. пытается творить свои утренние молитвы под деревьями, но птицы его так любят, что рассаживаются вокруг на ветках и громко поют и чирикают от любви, так что он просит их замолчать, а то он не слышит, как сам молится.

Потом все его монахи тоже столпились вокруг него, чтобы спросить, в какую сторону света идти и грузить свою божественную лабуду. Он повелел им всем кружиться и кружиться на одном месте, вертеться, пока не попадают от головокружения. Один за другим все попадали. Потом он стал над ними и сказал: «Хорошо, братья мои, в какую сторону вы упали лицом, вот туда идите и разносите весть».

Саша проходит мимо «Теско». В дверях парень, но это не Стив.

Она надеется, что у Стива все в порядке, где бы он ни был. В наши дни на улицах полно бездомных. Сегодня ясно и сухо. В последний раз, как Саша видела Стива, он рассказал ей, что из Ноттингема и с северо-востока пригнали шестнадцать автобусов с людьми.

Бесплатная поездка на южное побережье, – сказал он. – В одну сторону. Свозят всех туда, где только ЧП⁸ не консерватор. В городе их полно. Отправляют на море. Всем нам можно смело на отдых валить, уж поверь, теперь ведь никто ни хера не заработает, когда все они здесь.

В тот день Саша отдала ему всю мелочь, что лежала в кармане. Кто-то украл у него ботинки.

Спасибо, милая, – сказал он.

Не замерзайте, – сказала она.

Постараюсь, – сказал он. – Ты тоже.

Саша представляет Стива на экране, и счетчик у него за

---

⁸ Член парламента.

спиной показывает пожертвования, как за спиной у Мерси Бакс, только у Стива сумма каждый раз очень медленно увеличивается всего на 10 пенсов. Саша представляет, как Мерси Бакс кружится и кружится на алтаре Церкви Святого Духа Мерси Бакс, словно исполняя брейк-данс, и не может остановиться, или словно обезумевшая стрелка компаса: Мерси демонстрирует публике, как нужно кружиться, пока все не падают на пол. Затем Мерси Бакс обходит по кругу всех повалившихся от головокружения людей, будто на поле битвы, ласково за ними ухаживая и при этом опустошая их карманы.

Саша представляет, как мать выскакивает из входной двери на слепящее зимнее солнце, проходит через калитку и поднимается по ступенькам, обнажив все свои невидимые лезвия, – слегка похожая на швейцарский армейский нож, выставленный в витрине армейско-флотского магазина: гигантский красный перочинный нож, что вращается на стенде, растопырив все свои инструменты, – и стучит в дверь к отцу и Эшли, чтобы узнать, не у них ли дистанционка.

Мать никогда не пользуется ключом, который дал отец. Всегда стучит.

Саша представляет, как Эшли открывает многолезвенной матери дверь и стоит себе отрешенно. Не слышит. Не понимает. Говорит «нет», качает головой и закрывает дверь.

Если оставить телевизор на такой громкости, мать не сможет работать.

Впрочем на фирме, к которой подкрался брекзэц, теперь не так уж много дел.

Саша вспоминает, как утром мать бродила по гостиной, перекрикивая шум телевизора и повторяя слова «стану» и «героиня».

Ах да. Насчет «места».

Найти источник и с молчаливым почтением отправить его Королеве источников.

Саша набирает на своем телефоне в строке поиска «стану» и «героиня».

Выскакивают наркотики. Наркотики, наркотики, наркотики, наркотики, потом очень далеко внизу – что-то о Джейн Остин и викторианцах.

Саша очищает строку поиска.

Набирает слова «место», «занять» и «жизнь».

Выскакивает что-то о продолжительности жизни на одном месте.

Саша добавляет слово «героиня».

Выскакивает что-то о наркоманах.

Саша листает и листает – появляется единственная картинка с Гретой Тунберг, фото, на котором она в желтой, похожей на рыбацкую, куртке с поднятым капюшоном; Грета смотрит так, будто никому и ничему на свете ее не сломить.

Героиня моей собственной жизни!

Лишь могучая Грета способна побороть решимость интернета воспринимать слово «героиня» как неправильное

обозначение наркотика класса А, а не герою женского пола.

Будто всякий, кто набирает это слово, просто обязан иметь в виду героин, а не героиню, ведь героиня – такое малопотребительное понятие.

Саша вспоминает брайтонский вокзал с маленьким входом, куда можно незаметно проскользнуть, стоянкой такси и местом для велосипедов, с людьми в «Прет-а-манже» и «Маркс энд Спенсер». Саша представляет все это сверху, будто на ладони гигантской руки. Но чья это рука?

Ничья.

Сашина, раз уж она сама это представила.

Незачем просить поддержать твой мир за тебя кого-то другого.

Саша стоит перед воротами школы и подмышкой куртки протирает экран телефона от отпечатков. При этом на телефоне выскакивает эсэмэска.

От Роберта.

«кажется щас сделаю какую-то глупость; – \ на пляже напрожоп стр пж приходи щас же если можешь нужна помощь на 3 мин»

На Сашу действует не «щас же», а «пж». Значит, это действительно срочно, раз брат проявил непривычную вежливость.

Может, это розыгрыш.

А может, и правда.

Под «жоп стр» он подразумевает Шип-стрит.

Саша отходит от ворот, пока никто не заметил и не спросил, почему она топчется, а не заходит в школу как полагается.

Она шлет эсэмэску Мел, которая, наверное, уже прошла регистрацию.

«Меланиии можешь извиниться за меня и передать что у меня семейные обстоятельства и я буду через час спасибо мел (смайлик «сердечко» смайлик «сердечко) сашххх»

А если это розыгрыш? Тогда она его убьет.

Саша его любит, но... Он ее младший брат. Но... Он умный, типа реально умный. Но... После того как Роберту исполнилось тринадцать, на глаза ему словно опустилось темное забрало и он смотрит на все и вся сквозь щелку в металле. Из мальчика, который говорил остроумные, пусть и сумасбродные вещи типа: «арбузы на 92 % состоят из воды и на 8 % из всего остального, это означает, что содержание воды = 92 %, а все остальное – это арбуз, значит, арбуз вообще-то равен всего 8 %, но самое интересное в том, что можно вывести математическое уравнение для всего, даже для фруктов и овощей», он превратился в мальчика, которого отправляют из школы домой за то, что он говорит в классе вещи типа: «а почему нельзя говорить, что у чернокожих арбузная улыбка?»⁹

---

⁹ Стереотип, который гласит, что афроамериканцы имеют необычайно большой аппетит к арбузам.

Ты правда сказал то, что здесь написано? Вслух? Перед всем классом? И перед учителем? – спросила мать, подняв глаза от мейла, в котором их с отцом вызывали из-за сына в школу.

Роберт, такого нельзя говорить, – сказала Эшли.

Это было еще в те времена, когда Эшли разговаривала.

Нет, можно, – сказал он. – Все могут говорить что угодно. Это называется свободой слова. Это право человека. Мое право человека.

Это не шутка, Роберт. Это безнравственно, – сказала Эшли. – Говорить так – безнравственно и совсем не смешно. Как ты можешь такое говорить?

Легко, – сказал он. – Еще я объяснил им, почему люди ненавидят женщин за то, что они такие зубрилки и полезны только для секса и рожания детей, особенно детей, которых мы не признаем, потому что быть мужчиной – значит распространять свое семя.

Роберт! (Хор голосов.)

Да и в сущности все, включая немало женщин, считают, что женщины должны заткнуться, – сказал он. – Вы вечно говорите, что мы должны больше прислушиваться к истории и к тому, что она рассказывает нам о нас самих. А я говорю, что недаром история вставила нам в рот кляп.

В мейле из школы говорилось, что, встав и сказав все это, Роберт вызвал смех и сорвал урок.

Да ты у нас сатирик, Роберт, – сказал отец.

Нет, я прагматик, – сказал Роберт.

Я не потерплю его в доме, если он и дальше будет такое говорить, – сказала Эшли.

Насколько Саша помнит, это была одна из последних фраз, сказанных ею, прежде чем она перестала говорить со всем.

Необязательно ударяться в мракобесие, чтобы быть как все, – сказал отец.

Ты называешь нашего премьер-министра и других политических лидеров мракобесами? – сказал Роберт. – Хватит охаивать нашу великую страну. Мы должны отстаивать Британию. Все прочее – измена родине и изобличает в тебе алармиста и пессимиста.

Расскажи-ка отцу, Роберт, что ты говорил об образовании и что особенно возмутило твоих учителей, – сказала мать.

Я всего лишь отметил, как писал в своем блоге главный консультант нашего премьер-министра, что дети, родившиеся и растущие в нищете, не заслуживают того, чтобы получать образование, поскольку у них просто нет для этого способностей, – сказал Роберт. – Они никогда не смогут ничему научиться, так что государству нет смысла платить за их образование, которым они от природы никогда не сумеют воспользоваться. При этом я просто повторяю то, что думает главный консультант нашего родного премьер-министра. К тому же его главный консультант так хорошо справляется со своей работой, что нашего премьер-министра недавно из-

брало подавляющее большинство. Ну и чему это учит *вас*?

Сашу это рассмешило.

Но Роберт начал говниться насчет нее, как в тот раз, когда Джейми и Джейн, которую отец заставил уволиться, зашли выпить на Рождество (в знак примирения, без обид), а Роберт встал в дверях и заявил на всю комнату:

Моя сестра – идиотка. Она и правда думает, что способна изменить мир, что если она и ее сознательные подружки чуть-чуть поднажмут, то все изменится. Этим новейшим способом св. Саша привлекает к себе внимание.

А Джейн, что из Новой Зеландии, сказала ему: «Так, значит, ты немного скептик, Роберт, и это *твой* способ привлечь к себе внимание?»

А он сказал ей, что она иностранка, и высмеял ее произношение.

Скептик.

Затем в дом пришла полиция, застукав его за порчей сидений припаркованных на стоянке велосипедов. Полиция сказала, что по малолетству он получит только предупреждение и что в таком возрасте его еще нельзя задержать, предъявив обвинение в хулиганстве, или упечь на шесть лет в безопасный учебный центр¹⁰. Полицейские, которые привели его домой, были добродушными, хоть и говорили эти суровые вещи. Их добродушие явно раздражало Роберта, и он заявил

---

¹⁰ Частные образовательные центры для заключенных мальчиков и девочек в возрасте от 12 до 17 лет.

полиции, что готов получить обвинение или что угодно, если только представит, как все эти велосипедисты возвращаются домой с мокрыми лоскутьями в дуπλαх.

Мать называет Роберта бескомпромиссным, отец говорит, что он ведет себя как чертов придурок, а Эшли, если бы Эшли говорила вслух, назвала бы его таким матерным словом, что их отец буквально *был бы вынужден* от нее уйти и снова вернуться домой.

Все из-за того, что его так сильно задирают, – сказала Саша, когда Роберта не было в комнате. – Из-за того, что вы перевели его в новую школу. Чтобы выжить, ему приходится себя переделывать.

Они не знают, что делать с этой хренью в соцсетях, которая его преследовала, ведь соцсетям даже не надо переводить дух, и перекочевала из старой школы в телефоны всех ребят в новой.

Мать за него волнуется.

Отец на него сердится.

Саша знает, что он яркий.

Она помнит день, когда он вынес Алексу из дома на пляж, спрятав ее в куртке, и затем как бы невзначай уронил с края пристани в море, крикнув вдогонку: «Алекса, научи нас плавать брассом». Помнит день, когда он все-таки начал носить кроссовки, которые до этого служили экспонатами на Выставке кроссовок в Галерее Роберта Гринлоу на полках в его комнате. Помнит фильм, который он снял на свой телефон

(а это было в те давние времена, когда снимать фильмы на своем телефоне было не так-то просто), фильм о том, какими разобщенными выглядят люди, когда они слушают музыку в наушниках в поезде, катаясь на велосипеде или шагая по улице. В своем фильме Роберт показал их взгляды, как они сидят и двигаются, даже не осознавая этого, в ритме, никак не связанном с тем, что происходит снаружи, а вместо саундтрека к фильму Роберт, которому тогда было всего девять, записал самого себя, как он ходил за людьми в наушниках по городу и задавал им вопросы о них самих, которых они, естественно, не слышали.

Этот фильм так потряс Сашу, когда она его посмотрела, что она сама надолго перестала носить наушники на людях.

Но в последнее время Роберт словно присоединил к своей яркости регулятор и произвольно убавляет ее, заглушая и затемняя, чтобы она могла затем – тыдыщ! – стать ослепительной или наоборот, а тем временем человек, которого она знает, оказался пойманным в ловушку. Он то вспыхивает, то гаснет, как тот игровой автомат на пристани.

Роберт – ее яркий брат.

Еще ей обидно, что приходится быть сестрой, вечно помнящей о своем ярком брате. Словно это ее удел. На всю жизнь.

Роберт – тот ребенок, который (когда однажды после обеда он увлекся всеми этими личностными тестами в интернете, а Саша сидела и смотрела какое-то время, после чего

сказала: «Ты знаешь, что они используют все эти тесты для сбора информации?» А он ответил: «Но я же информационный анархист и умышленно вру в своих ответах, я всегда придумываю человека, который отвечает на вопросы, чтобы испортить всю собранную ими информацию», а Саша сказала: «Ага, но знаешь, Роб, даже все эти выдуманные люди – это все равно *ты*, ведь ты же сам их придумываешь») посмотрел на нее с таким ужасом на лице, что Саша чуть не расплакалась над его поражением и от избытка эмоций ей пришлось выйти из комнаты.

Вот.

Так где же он?

Саша обводит глазами пляж.

Только девять утра, но на пляже всегда кто-нибудь есть: она видит несколько человек – молодую пару у кромки воды, каких-то стариков, показывающих на море, кого-то с ребенком и собакой.

Роберта она пока не видит.

Но ее телефон подает сигнал.

Это не Роберт. Это эсэмэска от Мел.

«Привет, сёдня меня не будет саш (смайлик «хмурое лицо») тетка в уэйтроз сказала маме «не дышать рядом с ее детьми» потом чувак сказал что ей надо маску носить папа раздухарился и заехал ему («хмурое лицо хмурое лицо») срыв нехилый (смайлик «хмурое лицо» со звездочками в глазах) шторы закрыты у нас на окнах спущены жалюзи

низною чё еще делать. Док чё стал разоблачителем доктор Ли недавно умер¹¹ кажется я с ума схожу саш «в здоровом обществе не может быть только одного голоса» он мой герой сказал им в дек это плохо но они ни слушают власти заткнули ему рот и вот иво нету РИП все время плачу не могу остановиться ххх»

Бабушка Мелани – китаянка.

Саша вспоминает картинки вируса в интернете – приближенные изображения, сделанные людьми. Все они немного похожи на маленькие планеты с торчащими из них трубками, или на земные шарики, поросшие колючками, или на земной шарик, всю поверхность которого обстреляли ярмарочными дротиками с кисточками на концах в старомодном тире, или на мины в море, как в фильмах про ВМВ.

Весь интернет забит фотками людей из других стран в масках, закрывающих рот и нос.

Если верить интернету, люди заразились, поев змей. В других местах говорится о летучих мышах и панголинах. В Сети распространилась вирусная фигня о том, что китайцы едят шашлыки из маленьких желтых змей.

Зачем кому-нибудь есть змею? Или летучую мышь? Или панголина?

Разве что эта тема с поеданием змей – расистский способ связать вирус с расовой дискриминацией и очернить китай-

---

¹¹ Ли Вэньлян (1986–2020) – китайский врач, первым сообщивший 30 декабря 2019 г. в чате WeChat о вспышке коронавируса COVID-19.

цев.

Вообще-то все началось с поедания диких животных.

Но зачем кому-то вообще есть любых живых существ, которых ведь нужно сначала убить, чтобы потом можно было их съесть, если в мире так много всего можно съесть, никого при этом не убивая?

Чем дольше Саша живет на свете, тем больше осознает, к какому безумному биологическому виду принадлежит.

Она отправляет Мел ответную эсэмэску.

«Смайлик «сердечко». Смайлик «поцелуй». Смайлик «поцелуй». Смайлик «боксерская перчатка». Смайлик «взрыв». Смайлик «рыцарь в блестящих доспехах». Смайлик «мускулистая рука». Смайлик «сердечко». Смайлик «сердечко».

Саша не может вспомнить ни одного антирасистского смайлика.

Есть небось куча расистских смайликов, но явно ничего такого, что можно отправить человеку, которого расистски оскорбили.

Почему?

Саша облакачивается на перила и оглядывает пляж.

Море серое даже на солнце.

Саша переглядывается с чайкой.

Значит, зима еще не кончилась?

К сожалению, да.

Ну и ладно.

Чайка с ярко-желтым клювом и лапами встряхивает перья на крыльях и отворачивается.

Ее выступающий клюв похож на маски, что люди носили много столетий назад в Венеции во время чумы.

Саша вспоминает нынешние хлопчатобумажные масочки. Они совсем ерундовые, точно мертвые листья, принесенный ветром мусор, – по сравнению с реальными масками на лицах лжецов всей планеты.

По миру разносится всевозможная зараза.

Саша оглядывается на фасады зданий за спиной.

Как-то в четверг она пришла сюда довольно поздно, взглянула вон на то здание и увидела уборщиц, убиравших его в одиннадцать вечера.

Как будто Саша должна была это увидеть.

Но и это ничего не значило. Просто совпадение.

Возможно, совпадение никогда не имеет того смысла, который мы ему приписываем. Иначе оно бы не было совпадением, ведь так?

Саша оборачивается и снова смотрит на море.

Говорят, в ясный день с «Ай-360»¹² невооруженным глазом можно увидеть Францию.

Скорее всего это не так. Просто Франция слишком далеко для невооруженного глаза.

---

¹² «British Airways i360» – смотровая вышка высотой 162 м на набережной Брайтона, открытая 4 августа 2016 г. С нее открывается панорамный вид на Брайтон, Саут-Даунс и Ла-Манш.

(«Хай-360». «Лай-360».)

Невооруженный глаз! Разве глаз бывает вооруженным?

Саша – человек на тротуаре, в городе, в стране, на планете, которого сверху видит огромное множество спутников, находящихся там не для того, чтобы мы могли увидеть, как чудесна и прекрасна наша планета из космоса, а для того, чтобы люди, управляющие спутниками, могли приблизить изображение людей по разнообразным причинам, никак не связанным с тем, что почти всем и каждому на планете действительно нужно.

Так для чего же тогда они нужны?

Что, если суть вообще-то не в видении?

Все – лишь маскировка.

Саша вспоминает девушку по телевизору, кричавшую премьер-министру в Австралии: «Вы идиот. Вы идиот. Вы идиот».

Со всех нужно сорвать маску, немедленно, как эта девушка сорвала маску с того мужчины.

Роберта нигде не видно.

Саша снова сверяется с часами.

Убеждается, что Шип-стрит почти прямо за спиной.

Вон там. Вон там слегка поодаль фигура. Саша сразу его узнает – она может узнать его даже с капюшоном на голове. Это его плечи.

Саша спускается на пляж.

Привет, – говорит она.

Он молчит.

Она садится рядом на мокрые камни.

Он не смотрит на нее. Но говорит:

Можешь просто дать мне руку, Саш, всего на минуту?

Он хочет подержать ее за руку?

Он кажется таким маленьким и хрупким.

Потому она протягивает левую руку. Он хватает ее, засовывает под свою (теплую) куртку и вытирает ее мокрую ладонь о свой свитер.

Закрой глаза, – говорит он.

Нет, – говорит она.

Пожалуйста, – говорит он.

Зачем? – говорит она.

Всего на минуту, – говорит он.

Она вздыхает. Закрывает глаза.

Он всучивает ей в руку что-то холодное, изогнутое, стеклянное.

Не смотри пока, – говорит он.

Что это? – говорит она, не открывая глаза.

Подарок, – говорит он. – На будущее. Подожди минуту.

Обеими руками он крепко обхватывает сверху и снизу ее руку с каким-то подарком внутри. Саше кажется, что Роберт очень долго сжимает обеими руками ее руку.

Он отпускает ее. Но у Сашиной руки очень странные ощущения.

В ней лежит довольно большая стекляшка с двумя изги-

бами. Та состоит из двух соединенных стеклянных сфер. Она длиннее Сашиной ладони. Гладкая, стекло довольно тонкое, а внутри – что это? Ярко-желтый песок?

Саша пытается раскрыть ладонь, чтобы как следует рассмотреть. Ладонь почему-то не раскрывается. Эта штуковина к ней прилипла. Рука к ней прилипла.

Это часы для варки яиц.

Роберт тычет Саше в лицо бутылочку с суперклеем – лишь бы сестра успела увидеть, что это.

Потом Роберт бежит по пляжу, а Саша карабкается за ним по камням, но тут ее осеняет, что нужно быть осторожнее – *нельзя* карабкаться или барахтаться, ведь штука, которую брат приклеил к ее руке, сделана из тонюсенького стекла и ее нельзя разбивать, иначе Саша порежется и осколки стекла прилипнут к руке.

Саша выкрикивает имя брата.

Она видит, как его спина исчезает под перилами.

Саша стоит на каменистом склоне и трясет рукой, словно пытаясь стряхнуть эту штуку. Та прилипла как раз поперек первых трех пальцев. Саша не может их разогнуть. Она может двигать большим и мизинцем. Они не прилипли. Она может пошевелить лишь кончиками остальных трех пальцев.

Саша тянет за штуку. Когда тянешь, очень больно.

Какие-то люди, мужчина и женщина, подходят к ней и такие: с тобой все в порядке? Тебе помочь? Что-то случилось? В общем, наверное, она и впрямь закричала.

Спасибо, ну да, нет, все нормально, у меня все нормально, – говорит она.

У нее в кармане срабатывает телефон.

Она неуклюже тянется за ним не той рукой.

Новая эсэмэска от Роберта:

«знаю как ты паришься чё осталось мало время ну и это лучший подарок чё я смох придумать теперь у тебя всегда время будет на руках»

Она нажимает «ответить».

Но не может написать эсэмэску этой рукой – не той рукой.

Саша протягивает телефон женщине.

Не могли бы вы просто набрать пару слов для меня и нажать «отправить»? – говорит она.

Конечно. Само собой. Что написать? – говорит женщина.

Саша минуту думает.

Спасибо за исключительный сближающий опыт, – говорит она.

Женщина хохочет.

Мужчина начинает искать в интернете у себя на телефоне, как снять с кожи присуперклеенное стекло.

Затем женщина протягивает Сашин телефон с ответом, присланным Робертом:

улыбающийся смайлик рядом с грустным смайликом рядом со смайликом «средний палец».

Как с тобой такое случилось? – говорит женщина.

Саша качает головой.

Кто такой, – женщина косится на экран телефона, – Роберт?

Саша смотрит на штуку, превратившую ее руку в клешню чайки, птичью лапу. Саша переворачивает свою клешню, чтобы внутри стекла посыпался песок, и тот очень изящно пересыпается из первой сферы во вторую – тонкая золотая ниточка протягивается сквозь крошечное соединяющее отверстие.

Мой брат, – говорит Саша.

Время – понятие многомерное. Роберт Гринлоу только что доказал не только кривизну и многомерность времени, но и его множественную природу и доставил себе ТОТАЛЬНЫЙ КАЙФ, накрепко присоединив кусочек искривленного и многомерного времени к искривленному измерению смертной руки.

Кек.

!

В песне, которую Роберт спел бы, умей он петь, говорилось бы о том, что время – не просто что-то одно, время – это стекло и песок, оно ломкое и жидкое, хрупкое и прочное, острое и тупое, нынешнее и давнишнее, время – это до и после, гладкое и шершавое, и если попытаться устранить свою привязку ко времени, время захочет и сдерет с тебя шкуру.

А поскольку время относительно и есть несколько разно-

видностей времени, сегодня время может быть *моим* временем и я сделаю его еще более своим, если не буду «поклоняться стяжательскому успеху в учебе», цитируя Эйнштейна. К тому же Эйнштейн и сам был отстойным школьником. То есть в его школе, когда Эйнштейну было столько же, сколько Роберту Гринлоу сейчас, Эйнштейна считали тупым. Эйнштейн! Какая позорная катастрофа!

Короче, сегодня я пойду домой, прокрадусь наверх, они об этом не узнают, и буду незримо играть там наверху в МОРЕИСТЯЗАНИЙ пока для меня не зайдет солнце: я, Роберт Гринлоу, одинокий волк, заблудший мальчик, воплощение терпеливости в точности. Будь Роберт помладше, он заломил бы спереди невидимую робингудовскую шляпу, – именно сейчас, переходя улицу напротив витрины магазина, откуда украл часы для варки яиц, но он уже старше и давным-давно перерос какого-то неудачника в невидимых шляпах. Вместо этого Роберт наклоняет голову и отворачивается – изгой Гринлоу, закутанный в свою зимнюю куртку с согревающей подкладкой из житейских насмешек. Внешне тринадцатилетний мальчик, а в душе настоящий певец (кстати, всегда на слух, врожденный талант), поющий под сурдинку балладу своего времени и времен, ведь время и времена – не одно и то же.

Книжный?

Угу.

Ибо:

на свете существует книга, о которой он лишь недавно узнал, просматривая мамину «Санди таймс», и книга эта – о времени/временах, когда Эйнштейн приезжал в Британию, особенно о времени, когда он жил в Норфолке. Роберт Гринлоу до конца не уверен, где находится Норфолк. Роберт знает, что это где-то *там*. Ему страшно хочется, чтобы Эйнштейн приезжал в Брайтон или куда-нибудь *сюда*, в окрестности. Но нигде в интернете не сказано, что Эйнштейн приезжал в Брайтон.

Хотя покатит и где угодно в Сассексе.

Уйма других городов, как подтверждает интернет, называя Лондон, Оксфорд, Кембридж, Ноттингем, Вулсторп (Вулсторп? Ведь Ньютон, родившийся там, впервые врубился в Вулсторпе насчет яблока, упавшего с дерева, там же открыл все цвета, составляющие световой спектр, в 1666 году, когда ему было двадцать четыре и он застрял у себя дома, вдали от колледжа, из-за чумной палочки), Саутгемптон, Винчестер, Кент, Котсуолдс, Суррей, Норфолк, – Эйнштейн ездил даже в Глазго (на фотографии он курит трубку), рассказывал огромной толпе об относительности, ездил в Манчестер. Но только не Сассекс, ни разу Сассекс, похоже, нигде в Сассексе никогда не ступала благая нога и не являлся кроткий лик Эйнштейна.

Лик пасхального агнца, голова-одуванчик, но в этой головке одуванчика скрыт функционал не от мира сего. Да и целая вселенная.

!

Какая сорняковая стойкость.

Хотя интернет не всегда прав, нет, интернет и половины всего не знает, и новая книга о том времени, когда Эйнштейн был здесь, на этом острове, поведает о Сассексе что-нибудь пока еще неотынтернеченное.

И возможно, у них есть эта книга. В этом магазине.

Так что он снова становится скромным тринадцатилетним мальчиком, на тот случай если

«почему ты не в школе?»

Ответ готов:

«учитель физики мистер Масгрейв (полностью выдуманное имя, *очень* яркий учитель, как и все выдуманные учителя) отправил меня узнать, нет ли у вас в наличии книги об Эйнштейне в Британии»,

он прошмыгивает в двери книжного магазина —
и никто ничего не спрашивает.

Он смотрит.

В естественных науках нет.

В новых книгах нет.

Затем скромный тринадцатилетний мальчик идет посмотреть на полках с биографиями и

!

Мальчик находит книгу.

Мальчик садится по-турецки на пол книжного магазина и читает ее там, где открыл,

о том, как отец Эйнштейна дарит Эйнштейну (мальчику) компас и Эйнштейн (сам еще мальчик) выясняет с компасом в руке, что такое магнетизм.

Почему ты никогда не дарил мне компас (Роберт Гринлоу отцу, мысленно)?

Роберт, у меня и так дел по горло не загружай меня еще больше (отец Роберту Гринлоу, почти ежедневно, в реальности).

Оно и понятно. Бизнес отца наебнулся. Брак отца наебнулся. Подружке отца больше не охота ебаться.

Вернемся к книге.

Роберт Гринлоу снова открывает ее наобум: история о том, как Эйнштейн читал лекцию где-то в Англии и писал свои арифметические уравнения на двух досках и эти две доски аккуратно сняли после его отъезда, ведь теперь они были бесценными предметами, и отправили в музей или на специальный склад, где **ОДНУ ИЗ ДОСОК ПО ОШИБКЕ ВЫТЕРЛИ.**

!

Цифры, написанные рукой самого Эйнштейна, – стерли.

А еще сопутствующая история о том, что в математических расчетах Эйнштейна на этих досках тоже были *ошибки*.
Эйнштейн = человек.

!

Прикол.

Роберт Гринлоу знает из интернета, как тролли отовсюду

накинулись на давно почившего Эйнштейна, после того как по Би-би-си сообщили, что в своих дневниках Эйнштейн писал что-то оскорбительное о китайцах и жителях Цейлона, нынешней Шри-Ланки.

Расист и ксенофоб!

Эйнштейн! Которого нацисты грозились повесить при первой же возможности, поскольку он был слишком уж евреем.

Эйнштейн! Который ратовал за гражданские права в США.

Эйнштейн! Который предупреждал об опасности ядерной бомбы и говорил, что, знай он, для чего будут использованы его открытия квантов и относительности, он лучше бы стал башмачником и всю жизнь чинил людям обувь.

Короче, вот что бывает, если читать чужие личные дневники.

«Я оскорблен!» – кричат все эти люди, выстроившиеся перед тем, как их пристрелят и скинут в траншеи в воображаемой компьютерной игре Роберта Гринлоу, предварительно названной «Кровь и ирония», которую он в скором времени создаст в лучшем виде и сколотит на ней сос-таяние

запаренный?

я?

ну и Роберт Гринлоу проверяет указатель в конце книги о том, как Эйнштейн приезжал в Британию, ища слово

Брайтон

нет

Сассекс

нет.

Эх

Эх, ладно.

Хотя он и огорчен.

Зачем ему находиться там, где бывал Эйнштейн, – сегодня, прямо сейчас, в этот момент своей жизни?

Кто его знает.

Загадка.

Нужно, и все.

Роберт снова пролистывает книгу, фотографии Эйнштейна, снятые в той самой стране, где Роберт Гринлоу находится прямо сейчас: в Англии.

На фотографиях Эйнштейн непривлекателен.

Круть.

Расхристанный гений, ведь гений не обязан быть захристным, что бы это ни значило.

Цитата на передней стороне этой книги об Эйнштейне, принадлежащая тому, кто видел его в это время своими глазами:

«Взгляните, как он сидит на корточках на кромерском пляже и решает задачи, – Чарли Чаплин с челом Шекспира... Ну и нацистская братва не случайно так на него окрысилась. Он и впрямь олицетворяет то, что для нее противнее всего: противоположность белокурой бестии – интеллек-

туал, индивидуалист, сверхнационалист, пацифист, измазанный чернилами, пухля».

Пухля.

Как бы неприятно употреблять такое слово.

(Роберта Гринлоу в свое время называли пухлей.

Потому он сейчас такой худющий.)

Что такое Кромер/где это?

Роберт Гринлоу смотрит у себя на телефоне.

А. *Вот где.* Понятно.

Противоположность белокурой бестии. Если бы это написали в наши дни, то белокурая бестия = премьер-министр Великобритании. Вчера премьер-министр-белокурая бестия попытался, по примеру американцев, не пустить некоторых журналистов на Даунинг-стрит. Некоторым из них велели встать по одну сторону ковра, а другим – по другую сторону ковра. Тем, что по одну сторону, вход разрешили. Тем, что по другую, – нет. Все журналисты бойкотировали разделение их на две группы. Но все это ненадолго. Роберт Гринлоу особенно восхищается советником премьер-министра, который умеет так модифицировать политику, что она перестает быть похожей на политику, и которому прекрасно известно, что вполне можно было быть Сталиным или Гитлером, хотя все старомодные политики и приходят в ужас, если кто-нибудь допускает, что можно поступать так же, как они.

Люди, стоящие сейчас во главе Англии, – гениальные манипуляторы.

Роберт Гринлоу благоговеет перед их бестактностью.

Он благоговеет перед тем, как им сходят с рук речи о патриотизме, произнесенные с пылом двенадцатилетних подростков, – Роберт Гринлоу до сих пор еще немножко стремится к тому же, хотя ему уже тринадцать и он признает, что все это – детско-юношеское чревоущание.

Просто тут еще одна гениальность.

Умышленно расхристаный премьер-министр. Со стильной укладкой.

Роберт мысленно помещает двух расхристных мужчин вместе, допустим, на пляже.

Гм-м.

Один расхристан, потому что его не волнуют внешний вид и одежда, потому что он мыслитель.

Другой ведет себя так, будто он на подпитии или не мужчина, а мальчик. Какой блистательный трюк – вести себя так, будто не понимаешь, что делаешь, и этим внушать людям симпатию.

Один – герой Роберта, противостоит любым тенденциям и переписывает общепринятые истины, чтобы сделать их еще истиннее.

Другой – тоже герой Роберта, занимается обратным – блистательным применением лжи. Это впечатляет. А еще он подмечает актуальные тенденции, следует им, культивирует, использует их и извлекает *из* них нехилую прибыль, а это наилучший способ пережить сами тенденции.

Что бы они сказали друг другу, если бы встретились? Говорили бы они о времени? Говорили бы они об этике, героизме? Роберт Гринлоу знает, что думает о героизме Эйнштейн. А премьер?

Роберт Гринлоу достает телефон и набирает «Эйнштейн», «герой», «премьер», «министр», «этика» и «время».

Появляется цитата – из журнала «Тайм».

Вот они оба на английском пляже.

Эйнштейн: «Героизм по команде, бессмысленное насилие и вся эта отвратительная чушь, известная под названием патриотизма, – как страстно я их ненавижу!»

Наш премьер: «Мой герой – мэр из фильма «Челюсти». Он потрясающий парень, который, если вы помните, не закрывает пляжи даже после того, как было доказано, что его избирателей пожирала эта рыба-убийца. Разумеется, выяснилось, что он катастрофически ошибался в своей оценке, но интуиция его не подвела».

Это же не реальный разговор. Больше похоже на карикатуру.

Но это нормально, ведь наступает заря новой эры, карикатурной эры.

В голове у Роберта Гринлоу всплывает подружка отца Роберта Гринлоу.

Ох.

В голове у Роберта есть сундук типа средневекового сундука, куда запирает ее, если она делает это без спроса.

«Будь осторожен», – говорила она в ту пору, когда еще разговаривала. Она говорила это вместо слов «до свидания». Говорила, словно угрожая. «Будь осторожен».

Полезай внутрь. Опускаем крышку. На замок.

Пролистывая телефон, Роберт Гринлоу снова видит ответ сестры:

«сближающий опыт».

Он улыбается.

Закрывает книгу об Эйнштейне. Идет домой играть в МОРЕИСТЯЗАНИЙ. Катастрофа с ультранасилием.

Роберт проверяет, притворяясь, будто ничего не проверяет, нет ли видеонаблюдения.

Нет. Веди себя так, будто обладаешь властью.

Он смотрит прямо в камеру. Показывает, как засовывает книгу себе в штаны, натягивает поверх свитер, запахивает куртку, встает.

Никакой сигнализации, вообще ничего, никто ничего не кричит вдогонку,

угу, вот видишь,

всем похуй,

время такое,

никто даже не заметил, а если и заметили, им по барабану.

По мнению Роберта Гринлоу, самое любопытное в игре МОРЕИСТЯЗАНИЙ (с подзаголовком «Умри тысячей способов») вот что – в какую бы эпоху/эпохи ты ни жил, пыт-

ки на самом деле особо не меняются. Когда появляется электричество, они становятся более будничными, ведь в каждой комнате есть розетка и существует масса обычных предметов, которые в эту розетку можно вставить: дрели, пилы и другие волнующе безобидные вещи, как, например, лампы, тостеры, плейки. После изобретения телефона первым делом придумали, как соединить его проводом с человеком и, поворачивая заводную рукоятку, вызывать боль. Как это называли? «Телефон».

Богатства, насмешки. Роберт Гринлоу – Железный Насмешник. Недаром же в разные эры народы всего мира, разделенные огромными расстояниями, вообще-то объединяло великое множество сходных способов унижать себе подобных и причинять друг другу боль.

Вывихи и неудобства, вызванные болезненными формами сидения/стояния/приседания/висения. Кипящее масло/смола/воск/вода. Просто вода. Очень медленно, методично капать на кого-нибудь, в точности. Или просто переполнять ею человека. Жар, холод, поджаривание, обморожение. Тяжелые камни. Железные стулья или приспособления с шипами и лезвиями. Тиски для пальцев рук. Тиски для пальцев ног. Распространенная по всему миру разновидность приспособлений в виде сапога, посредством которых можно так сильно защемить кости стопы и ноги, что они ломаются или раздробятся.

Что интересно, приспособления, удерживающие все те-

ло на месте, часто обозначают женскими именами. «Дочь Скевингтона», «Дочь герцога Эксетера», «Железная дева». Есть еще металлическая штука в виде клешни под названием «Паук» – для тех случаев, когда сама Жертва – женщина.

В МОРЕИСТЯЗАНИЙ вся эта фигня – на 3-м и 4-м уровнях. Роберт Гринлоу ушел уже далеко вперед. Он – Исполнитель 7-го уровня, у него есть доступ к ранним электроприборам и ключ для входа в чат-рум, так что он может видеть данные и профили Жертв и обсуждать пытки на конференциях с другими Исполнителями. Кроме того, вплоть до 5-го уровня Исполнителям приходится выслеживать Жертв, охотиться на них и брать их в плен самим, однако, начиная с 6-го, игра преподносит им Жертву за Жертвой в подарок. Но (так сказать, хе-хе) подвох в том, что ты *должен* перехитрить Жертву на допросе и суметь получить информацию, а если Жертва умрет до того, как сольет инфу, ты опускаешься обратно на 3-й уровень – Работяга. Если крупно облажаешься и Жертва сбежит, твой игровой профиль резко обрушивается в Зону Жертв.

Жертв гораздо больше, чем Исполнителей.

Все легко может закончиться мочиловом. На первый взгляд пытка с крысой – верный способ кого-нибудь расколоть (нарезать кожу над животом Жертвы окровавленными полосками, а затем привязать к Жертве мешок с крысой, которая начнет ее пожирать), но это почти всегда приводит к смерти – слишком уж буквальное выворачивание души на-

изнанку. У Роберта Гринлоу есть любимый способ убивать тех, кто больше не представляет ценности (поскольку уже сдал всю инфу), если норм с суммами очков и можно себе это позволить: Разрывание пополам – подлинная средневековая казнь, когда правые рука и нога привязываются к одной большой лошади, а левые рука и нога – к другой лошади, и лошадей гонят в разные стороны. Из несмертельных пыток Роберт Гринлоу предпочитает Грушу страдания, которая мешает людям говорить, пока ты снова не разрешишь, и Колпак с дегтем, который англичане применяли к ирландцам в XVIII веке: налить горячую смолу в бумажный колпак, прикрепленный к голове Жертвы, а затем сорвать его вместе со скальпом. (Можно еще залить деготь или смолу в телесные отверстия, но тогда Жертва стопроцентно откинется, так что применяйте это только к Жертвам, от которых вам больше ничего не нужно.)

Роберт Гринлоу покамест выяснил, что к наилучшим результатам приводят самые простые надругательства.

Кресло капитана (древняя практика с обновленным названием). Для этого необходима лишь стена.

Вырывание ногтей на руках (древняя).

Сухой настил (древняя *и в то же время* ультрасовременная: если она приносит пользу ЦРУ даже сейчас, то наверняка принесет пользу и вам).

На 10-м уровне получают новейшие приспособы для электромагнитных пыток, и Роберт Гринлоу ждет их с нетерпе-

нием. Снос башки! Но до 10-го уровня добираются только лучшие Исполнители.

Вздых.

Сегодня Роберт Гринлоу всего десять минут в игре и уже чувствует привычную пустоту.

Просто ему насрать, что там Жертва знает или чего она не знает.

Комната Исполнителей все равно практически пустая. Все в школе.

Он оставляет Жертву висеть, приостанавливает игру.

Слегка растерян.

Скукота.

Внизу кто-то есть, пришли гости. Он слышал их, пока входил

(вот чего Роберт Гринлоу достиг, с тех пор как подошел полчаса назад ко входной двери, бесшумно ее открыл и бесшумно запер: полироль для мебели из шкафчика с чистящими средствами + дверные петли = бесшумный вход).

а) он внимательно заглянул в сумку какого-то гостя возле подставки для зонтов. Холщовая. Тяжелая. Ну еще бы. В ней довольно крупный, совершенно круглый камень. Похожий на маленький каменный футбольный мяч. Что-то садовое? Что-то на верх колонны? Старое неиспользованное пушечное ядро? Роберт Гринлоу аккуратно-преаккуратно положил его обратно. Взобрался по лестнице, минуя скрипучую ступеньку.

Поднимаясь, он слышал голоса в гостиной.

Никакого телевизора.

Наверное, выдернули из розетки.

Остановился на лестничной площадке и на минуту прислушался.

Никто не говорил о часах для варки яиц.

Никто не казался возмущенным.

Но он не мог сказать точно.

Они говорили об... Уэртинге? Или каком-то... конверте?

Скукота.

б) он одолел следующий пролет, а затем поднялся на чердак. Достал из ящика с носками пару носков, натянул их на свои стручки и посмотрел чутка порнуху, как и положено любому уважающему себя тринадцатилетнему мальчику исконно и генитально-генетически. После этого ему снова стало хреновенько. Всегда напоминает (и это даже мысленно представлять заебывает) историю об охотнике, который охотится и видит купающихся голышом девственниц, ну и конечно, садится и зырит на них в оба – а кто бы не зырил? – поэтому богиня охоты, застукав его, приходит в ярость, ведь он осквернил ее девственниц своим нечестивым взглядом, и превращает его в оленя, а его собственные псы, не признав своего хозяина и видя вместо него лишь оленя, в итоге загрызают его до смерти¹³. Роберт Гринлоу, сочинитель баллад внутри, воплощение терпеливости в точности, когда-то на-

---

¹³ Миф об Актеоне и Артемиде.

писал школьное сочинение по этой истории, где доказывал, что если по жизни смотришь на что-нибудь непорочное, а сам при этом порочен, то тебя потом разорвут внутренние псы.

Умничка.

!

После чего Роберт Гринлоу, изгой извне, порвал сочинение и выбросил его по дороге в школу, а Мильтону сказал, что не сделал домашку, и ответил на выговор нахальным таким взглядом

запаренный?

я?

Поэтому он выключил шестнадцатилетнюю (вообще-то больше похожую на тридцатипятилетнюю, ведь косички еще не означают, что ты не старая) французскую гувернантку, которую приходовал отец семейства (вздохи, банальнее банального, анальное анального, наигранные стоны и задранные каблуки-шпильки), и снял невидимую шляпу перед тем, кто записывал, как он это смотрел, через его компьютерную камеру, ведь кто-то где-то наверняка это записывал. Учтите, что все мы сейчас живем в открытой тюрьме и должны просто это признать и перестать себя обманывать.

Скукота.

в) взамен он посмотрел на ютьюбе свой любимый фрагмент из черно-белого немецкого фильма, в котором шут исполняет в трактире шизовый дерганый Танец смерти и все

крестьяне погружаются в транс и танцуют вслед за ним типа роботов, трясутся и дергаются, типа как потные зомбаки. Фильм называется «Парацельс»¹⁴. Это как-то связано с Гитлером, хотя действие и происходит в Средние века. Шут проникает в город, принося с собой чуму, потому что беспринципные купцы, не желая прекращать торговлю и терять деньги, провозят свои товары, несмотря на блокаду. Затем Роберт Гринлоу встал и беззвучно сделал несколько дерганных танцевальных движений по комнате.

Но он был шутком или... подражателем?

Кек.

!

Один фиг:

скукота.

г) он прошел по ссылке на прямую трансляцию с умной колонкой «Эхо», чтобы посмотреть, не заговорила ли она вновь. Однажды «Эхо» проснулось у кого-то дома без спроса и на всю комнату произнесло такое предложение:

«Всякий раз, когда я закрываю глаза, я вижу лишь умирающих людей»,

и обладатели «Эха» уставились на него в изумлении.

Разумеется, это стало вирусным новостным сюжетом. Разумеется, какому-то случайному ушедшему обладателю «Эха»

---

¹⁴ Фильм австрийского режиссера Г. Пабста, снятый в 1943 г. и посвященный швейцарскому алхимику, врачу, философу и естествоиспытателю Парацельсу (Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм, 1493–1541).

хватило ума установить на собственную колонку видеоканнеру, и с тех пор больше миллиона людей каждый день смотрели и слушали круглосуточную прямую трансляцию, дожидаясь момента, когда это «Эхо», или божество, говорящее через «эхо», изречет что-нибудь еще.

Но этого, разумеется, никогда не произойдет.

Гениально, снова подумал Роберт Гринлоу, глядя на экран, показывающий «Эхо», обычное старое «Эхо», на серванте, и количество людей онлайн, смотрящих на него прямо сейчас: 360746 (Америка спит). К чему это я? Кто запрограммировал «Эхо» на такую поэтичность? Кто вставил в сердцевину механизма гранату с запалом? Роберта Гринлоу всегда смешат эти люди, присаженные и ждущие, пока божество или механизм (что одно и то же) передаст им сообщение.

Через 30 секунд?

Скукота.

д) он сел на кровать и вырвал из книги об Эйнштейне фотографию: Эйнштейн в пальто стоит на участке со скошенной травой в поле где-то в Англии, руки в карманах, взгляд радостно-грустный.

Роберт Гринлоу аккуратно выровнял край ножницами.

Вырвал фотографию Эйнштейна со скульптором: они стоят возле хибарки по обе стороны от глиняной головы, которую скульптор только что слепил с Эйнштейна.

Роберт Гринлоу сделал ножницами такой же аккуратный

край.

Офисным пластилином приклеил обе фотографии на стену.

Альберт Эйнштейн на стене грустно-радостно смотрел мимо Роберта Гринлоу в глубь его комнаты.

Что вообще это значит – *воплощение терпеливости в точности?*

Ой-ой-ой. Когда он начинает задавать себе вопросы...
скукота.

е) он переходит на свой профиль в МОРЕИСТЯЗАНИЙ.
 $a + б + в + г + д + е = ?$

Уже. Новая Жертва на Осле. Покамест не раскололась. Роберт Гринлоу заставляет лакеев связать Жертве руки за спиной и подвесить ее к стропилам.

Хруст. Вывих.

Все равно ни фига.

Затем Жертва нажимает на кнопку. «Я буду говорить».

Ох.

Роберт Гринлоу вздыхает, как древний тиран, который на-смотрелся этого вдоволь.

Скукота.

Выключает щелчком игру, пока Жертва не дошла до конца и не спаслась.

Почти жалеет, что не пошел-таки в школу.

Интересно, время еще у нее на руках, ха-ха?

Интересно, кто там внизу?

Роберт Гринлоу бесшумно выходит из своей комнаты и опять становится на чердачные ступени. Затем бесшумно спускается по лестнице. На середине последнего пролета Роберт Гринлоу садится, повыше задирая ноги над следующей ступенькой, она ведь скрипучая.

Мать рассказывает гостю о том, как гордится своими детьми, какие они умные, как один в очень раннем возрасте, возможно, лет в восемь, сказал за ужином, что если бы телесериалы были не хуже *планеты Цереры* и *богини Цереры*, то мы бы наконец-то реализовали свой истинный человеческий потенциал, и как они с Джеффом поразились, что их дети разбираются в космосе и мифологии и прочитали обо всем этом сами.

Ну да, это я была, – слышит он голос сестры.

Это не *она* про Цереру сказала, а он. *Она-то* ни фиги ни о чем не знает.

Гостья, видимо, представительница образованной элиты. Она приехала сюда, потому что проводит какие-то исследования в Уэртинге и переночевала в здешней гостинице. Гостья что-то говорит, но Роберт не может разобрать. Затем она говорит:

...и это делает тебя террористом. Сейчас они значатся как террористическая группа.

Все смеются.

Мать рассказывает, как однажды кто-то разбил лобовые стекла у всех машин на улице.

Его эко-логичная сестра начинает пороть чушь о том, что, если пользоваться солнечными батареями и есть мясо только раз в неделю, от этого не будет ни холодно ни жарко.

Это и правда ужасно. Но новое поколение ответственной молодежи с этим разберется, – говорит мать. – Слава богу, у нас есть молодежь. Ей я доверяю.

Ну да, вот именно. Сваливайте на нас ответственность за все, что вы натворили, но не давайте нам никакой возможности хоть что-нибудь изменить, – говорит сестра.

Мать как-то оправдывается за свою революционерку-дочь.

Ну да, потому что планета вообще-то в опасной близости пиздеца, – говорит сестра.

Не ругайся. И дорогая, – говорит мать, – все ведь не так просто.

Да, непросто, – говорит сестра. – И оттого, что ты меня поучаешь, проще ничуть не становится.

Гостья говорит что-то о том, как важно иметь право голоса.

Чуть ли не в унисон мать с сестрой начинают рассказывать гостье о подружке отца.

Гостья: Перестала говорить?

Мать: Перестала, и все. Не может произнести вообще ни звука.

Гостья: Голос потеряла?

Сестра: Ну да, но это не просто потеря голоса, а как бы

что-то еще.

Мать: Она буквально утратила способность издавать любые звуки. Если мы подходим к соседнему дому, она лишь пожимает плечами. Даже когда Саша наступила ей на ногу, когда она этого не ожидала...

Сестра: ...посмотреть на реакцию, а не из вредности или желания сделать ей больно...

Мать: ...даже тогда...

Сестра: Она просто широко раскрыла рот и – ни звука, хотя по лицу было видно, что ей больно. Я извинилась, сказала, что пыталась помочь, потом мы спросили, а если попробовать неожиданно обжечь ей руку горячей чайной ложкой, ну знаете, чего меньше всего ожидаешь? Но она написала на бумажке: «Ничего не помогает, думаете, я сама не пробовала?»

Гостья: Она пыталась обжечь себя? Чайной ложкой?

Мать: По-моему, она просто имела в виду, что пробовала, не знаю как, заставить себя крикнуть.

Гостья: Подсознание не проведешь.

Мать: Думаете, это что-то психологическое? Думаю, это на сто процентов психологическое. Я так и сказала. Разве я не говорила, Саша? Я сказала: психосоматика.

Сестра: Как у Греты.

Мать: С чего это?

Сестра: Она *тоже* перестала говорить.

Мать: Нет, там вся суть в том, что она *заговорила*: Гар-

бо разговаривает, Гарбо смеется. Отец говорит: «Идеальная женщина, пока не заговорила. [изображает брэдфордский акцент своего отца] Не надо было ей рот открывать. После этого все под откос». [снова своим обычным голосом] Так вот прям и говорил!

Сестра: Да нет, мам. Грета *Тунберг*. В детстве она пришла в шок, когда осознала, что происходит с Землей, и даже утратила дар речи. А потом осознала: вся суть в том, что она *должна* говорить. *Должна* пользоваться своим голосом. Я даже спрашивала об этом Эшли.

Мать: О чем спрашивала?

Сестра: Может, все дело в мире, может, она пыталась спасти мир? И она написала в блокноте: «Больше нет».

Роберт Гринлоу, проницательный толкователь своего времени и времен, сидит посредине лестницы, как в детском стишке А. А. Милна¹⁵, и слово в слово вспоминает одну из бесед, которую вел с подружкой отца.

Подружка отца: Во времена беззакония всегда нужно быть готовым заговорить, громко выступить против него.

Роберт Гринлоу: Тогда тебя убьют одним из первых.

Подружка отца: До этого дело не дойдет, если выступит достаточно людей.

Роберт Гринлоу: Ну да, а что, если дойдет?

Подружка отца: Если дойдет, то я не боюсь: пусть убива-

---

¹⁵ «Halfway Down» – стихотворение А. А. Милна из популярного сборника «When We Were Very Young» (1924).

ют, если хотят, ведь я верю и знаю, что после меня придет гораздо больше людей, чтобы говорить и выступать так же громко.

Роберт Гринлоу: Их всех тоже убьют.

Подружка отца: Справедливость все равно восторжествует.

Роберт Гринлоу: Ну да, но это целиком зависит от того, что люди, составляющие законы, решат называть справедливостью.

Подружка отца: Ты невыносимый.

Роберт Гринлоу: А ты чересчур убедительна.

Подружка отца не только перестала говорить, но и, похоже, перестала писать свою «книгу» о «политике». Роберт Гринлоу очень надеется, это из-за того, что в начале января он прокрался в ее «кабинет» и фломастером написал на верхней странице стопки распечатанных страниц рядом с ее именем: ПРЕДСТАВИТЕЛЬНИЦА ОБРАЗОВАННОЙ ЭЛИТЫ.

Зачем?

Роберт Гринлоу знает, что нет никакого смысла составлять списки всех лживых высказываний премьера или штатовского презика.

В какое поразительное время мы живем. Меняется мировой порядок.

Но про себя Роберт Гринлоу также признает, что местами книгу подружки отца было довольно интересно читать:

(пометка «ля-ля» означает, что Роберт Гринлоу потерял интерес)

«искажение языка, используемого в качестве инструмента контролирования населения путем выдвижения лозунгов и манипуляции эмоциями, фактически является противоположностью возвращения контроля населению» ля-ля

«использование отсылок к классике и демонстрация информированности в качестве риторических инструментов управления подспудно также используется в качестве маркера классовой принадлежности, маркера тех, кто владеет культурой, кто владеет информацией» ля-ля

«правда уступает место *аутентичной лжи*, иными словами, тому, что избиратель поддерживает эмоционально, или *эмоциональной правде*, которая возникает, когда *фактическая* правда перестает иметь значение, что, в свою очередь, приводит к полному краху принципиальности и трайбализму» ля-ля

Хотя, скорее всего, это никак с ним не связано. Скорее всего, она перестала писать, потому что за пару ночей до того, как совсем перестала говорить – Роберт Гринлоу, молчаливый изгой, об этом знает, ведь у него есть ключ, и он часто ходит в соседний дом без чьего-либо ведома, довольно часто заходит взглянуть, что лежит в холодильнике, взять что-нибудь у них в комнатах и положить обратно, изредка что-нибудь прикарманить, подслушать, как они занимаются сексом (когда они еще занимались), думая, что никто не подсмат-

ривает и не подслушивает, и присесть на лестничной площадке, они же оставляют дверь открытой, – в ту ночь она все трещала и трещала, никак не могла заткнуться, рассказывая его отцу в своей манере чокнутой девчонки о передаче про домашнее кино времен ВМВ, которое недавно посмотрела. Там был эпизод со старой съемкой летнего фестиваля в нацистском городке, по улицам ехали платформы с женщинами и детьми в национальных костюмах, махавшими людям на тротуаре; она говорила, что платформы были увешаны цветочными гирляндами и в самом конце шествия, самым последним кадром домашнего кино было карикатурное изображение еврея, который выглядывал сквозь решетку на окне автозака, пока его увозили в тюрьму, а все смеялись и махали на прощанье рукой.

«Это должно было вызывать смех, – сказала она. – Напоминало мультфильм. Фильм был немой, но все при этом смеялись и веселились».

И тут она заплакала. Отец сказал что-то вроде как успокаивающее, но Роберт Гринлоу почувствовал, что отца это в общем-то не колышет, что он уже сыт по горло. Намека она не поняла и никак не угоманивалась. Рассказала отцу о другом домашнем кино про деревенскую ярмарку, в котором люди в одежде немецких граждан якобы подметали улицы огромными мультяшными метлами, а сметали они людей в костюмах карикатурных евреев.

Больше всего ее расстраивало, говорила она, что прошлое

и настоящее пересекались – тогда было такое *карикатурное время*, и *такое же карикатурное время сейчас*.

Она долдонила все это сквозь рыдания. Отец в конце концов заснул или просто притворился, и Роберт Гринлоу его за это не винил.

Что с ней не так?

По телевизору и по всему интернету вечно эта нескончаемая лабуда про нацистов. Роберт видит ее всю свою жизнь.

Тем временем внизу гостя явно только что сообразила, что отец с подружкой живут в соседнем доме.

Она делает какой-то комплимент насчет того, что они решают вопросы по-взрослому.

Мать говорит, в мае жениться – век маяться.

Родители у Роберта Гринлоу – обхохочешься.

Грызутся, потому что теперь, когда они такие древние, смерть подбирается к ним все ближе и ближе.

Отец: Человек счастлив только после смерти.

Мать: Наложил на себя руки – и будешь счастлив.

Отец: Знаешь что? Это ты меня в могилу загонишь.

Вспомнив эту конкретную ссору, Роберт Гринлоу забывает, где находится, забывает об осторожности, мысленно опирается на воспоминание о ссоре, даже не замечая, что его тело опирается в прямом смысле, и, расслабившись, ненароком ставит обе ноги на скрипучую ступеньку.

СКРИП.

Блядь.

В гостиной все умолкают.

Затем мать подходит к двери гостиной и смотрит наверх.

Она видит его макушку.

Роберт? – говорит мать.

Драматическая пауза.

Мать приходит в себя и поднимается на три ступеньки.

А почему это ты не в школе? – говорит она.

Она говорит это с родительским возмущением, а не привычным безучастным тоном, ведь у них гости.

Роберт Гринлоу поднимается и становится даже выше ее.

Вообще-то в одной из своих квантовых жизней я сейчас в школе, – говорит он. – И у меня, м-м... (он проверяет время у себя на телефоне) математика.

Мать без понятия, что значит «квантовый» и о чем говорит сын. Посему. Она смотрит на него в растерянности.

Ну и Роберт Гринлоу, квантовый сын, знающий, что может отделаться легким испугом, если просто поведет себя так, будто обладает правом и верит в свое право делать то, что сейчас делает, решает занять вышестоящее положение, расправив плечи и отвернув голову, и как ни в чем не бывало спускается по лестнице.

Ах да, Роберт, – говорит мать. – Куда ты дел дистанционку?

Дистанционка – это я, – говорит он, словно Дистанционка – это антигерой, обладающий, конечно же, сверхспособностью дистанцироваться.

Где она? – повторяет мать.

Сейчас уже где-то очень далеко отсюда, – говорит он, входя в гостиную.

Потому-то ее, наверное, и называют дистанционкой, – говорит прекрасная гостья.

Роберт: Солнечный удар, впервые в жизни.

Впервые вообще.

Его фамилия испаряется. Он становится всего-навсего Робертом, просто Робертом, кем-то необремененным – он очень давно таким не был, с тех пор как забыл, что может.

Все теперь другое.

Все – изменилось.

Гостья прекрасна.

Мать называет ее имя.

Гостью зовут Шарлотта.

Имя ШАРЛОТТА загорается словом на неоновой вывеске.

Гостья по имени Шарлотта озаряет эту комнату.

Роберт чувствует себя тоже неоновым, его пронзает молния, он светится, только взгляните на его руки, кисти, из-за гостьи он тоже стал излучать свет. Нет, он *и есть* свет, подлинный свет, собственно свет. Более того – он такой же свет, как в слове «рассвет».

Одно слово переполняет его с детства. Это слово «радость». Он никогда раньше не задумывался над этим словом, ни разу в жизни, а теперь его «я» вырвалось из темноты на

свет, широко расставив руки, словно готовые принять в себя все: весь мир, вселенную вокруг со всеми ее галактиками, он подносит их к свету, *его* свету, ведь теперь ничего никогда не закончится, все бесконечно. Словно стал понятен разбитый вдребезги свет, ранее заточенный у него внутри, похожий на лампочку, раскрошенную на острые осколки у него под ложечкой, стало ясно, чем этот свет был, есть и может быть, а теперь он собирается и превращается в ЯЙЦО СВЕТА, ну да, если честно, яйца будто наполнены светом, и кончик члена, нет, весь член, и кончики пальцев на ногах и руках, кончик носа, все тело стало заостренной веточкой на дереве, крона которого – сеть чистого света.

!

Привет, – говорит гостя по имени Шарлотта.

Привет, – говорит он.

Гостя.

Гостя из другого мира.

«Очевидно, существует некая сила, которую тела прила-
гают друг к другу посредством самого своего присутствия»: цитата Эйнштейна, там на стене его спальни в горних вы-
сях дома. Вообще-то Эйнштейн сказал это о Ньюtone, от-
крывшем закон всемирного тяготения. Но гляньте, что это означает на самом деле.

!

Теперь Роберту впервые ясно, что Эйнштейн был влюб-
лен, был движим любовью – любовью ко всему.

Роберт видит руку сестры.

На руке бинт.

Сестра машет ему забинтованной рукой.

Привет, – говорит она.

Ну да, привет, – говорит он. – Все хорошо?

Можно и так сказать.

Ой – здесь еще и мужчина.

Пока Роберт [Гринлоу] подслушивал на лестнице, не слышно было никакого мужчины.

Кто он?

Этот мужчина пришел сюда вместе с гостьей?

Мужчина пришел сюда *вместе* с гостьей.

Но они с гостьей *вместе*?

Мать явно считает, что они вместе. Сестра тоже явно так считает. Мать рассказывает Роберту, что Артур и Шарлотта любезно доставили его сестру в травмпункт после *какого-то несчастного случая*, когда сестра *порезала себе руку*, а затем привезли ее на своей машине домой.

Пришлось наложить шов, – говорит сестра. – Здесь. И здесь. Прямо кожа отстала.

Сестра показывает другой рукой на забинтованную руку вверх возле пальцев, а затем в нижней части ладони.

Ясно, ну да, – говорит он. – Ничего себе.

Один стежок, но вовремя, – говорит сестра. – Можно и так сказать.

Она расскажет?

Расскажет при гостье?

Роберт напускает на себя самый беззаботный вид, отворачивается, смотрит в пол, притворяется, будто возится у плиты с кофеваркой, пока мать говорит еще немного о том, какими любезными были гости. Затем мать продолжает с того места, на котором остановилась, пытаясь объяснить гостям, почему ее бывший муж живет в соседнем доме со своей подругой гораздо моложе себя.

А что я могла сделать? – говорит она. – Он встретил ее. Влюбился в девушку на двадцать лет моложе, я называю это «средневозрастным пузиком». Но мы же семья, мы должны жить вместе. Или хотя бы рядом. В общем, когда соседний дом выставили на продажу, мы его купили, и Джефф съехал. В смысле, въехал.

Папа из соседнего дома, – говорит сестра. – Одна большая счастливая семья.

Ну да, но мам... Он же съехал не потому, что встретил Эшли, – говорит Роберт, стоя ко всем спиной.

Когда он произносит что-то вслух, голос звучит противно. Он оборачивается. Никто не смотрит на него так, словно он только что говорил противным голосом.

Он снова смотрит на гостью. Шарлотта точно такая же неотразимая, какой он увидел ее впервые.

Вот это красавица.

Он в шоке.

Отводит взгляд.

Снова смотрит.

Словно кто-то навел внутрь него прожектор.

Подойди и сядь, Роберт, – говорит мать.

Он подходит к столу, садится рядом с матерью там, где она похлопала по скамье.

Отсюда он может и смотреть, и отводить взгляд.

Пытаясь сменить тему, чтобы выглядеть перед гостями адекватной, мать рассказывает о том, как пару месяцев назад ходила в Общенациональное строительное общество уплатить какие-то деньги.

И там работал телевизор, ну знаете, предвыборный репортаж, новости, – говорит мать. – Но звук был приглушен и включены субтитры. А субтитры, ну знаете, они как бы появляются на экране рывками, их ведь машина набирает, пока человек говорит, ну так вот, в субтитрах все время повторялась конкретная фраза – «ДОВЕДИТЕ БРЕКЕТ ДО ТОРЦА», они все время твердили «ДОВЕДИТЕ БРЕКЕТ ДО ТОРЦА». И мне стало интересно, о чем же этот новостной сюжет. Пока я не поняла, что репортер на самом деле говорил: «ДОВЕДИТЕ БРЕКЗИТ ДО КОНЦА».

Гостья остается красивой, даже когда что-то изображает на лице.

Типа ты не имела никакого отношения к тому, что Брекзит довели до конца, – говорит сестра.

Саша, это лишнее, – говорит мать. – Ну так вот. Все уже позади. И дело с концом. Нам везет. Все мы живем на заре

новой эры.

Лично *мне* самым интересным кажется... – Роберт снова говорит странным-для-себя голосом.

При этом он трогает пальцем рубчик на носке, не осмеливаясь поднять глаза или, возможно, забыв, что хотел сказать. Затем он вспоминает, что делает обычно с носками. Краснеет и больше ничего не трогает. Отводит руку подальше от своей голени. Направляет взгляд на чашку на столе. Прекрасная гостья Шарлотта – лишь размытое световое пятно за чашкой.

И что же тебе кажется интересным? – говорит прекрасная гостья Шарлотта.

Определенная черта этой лексики, – говорит он.

Затем Роберт вспыхивает, ведь слово «лексика» звучит так, будто в нем есть слово «секс».

Все смотрят на него и ждут, что же он собирается сказать дальше.

Лексика, – говорит мать.

А чё это означает? – говорит сестра.

Слова́, – говорит прекрасная гостья Шарлотта.

Гостья не просто прекрасна – она в буквальном смысле блистательна.

Да, в точности, – говорит Роберт. – В том смысле, что наш отец проголосовал «остаться», а наша мать проголосовала «выйти». Но в конце концов это нашему отцу пришлось в прямом смысле слова – *выйти*.

О боже, – говорит мать. – Роберт.

Получается, – говорит он, – будто люди, проголосовавшие за выход, как бы тоже дали команду. Это вообще-то очень умно. Как в моем физическом классе есть мальчик, не знаю, как его зовут, у него отец француз, и у него ресторан, хороший, с этой, как его, звездой...

Мишленовской? – Прекрасная гостья говорит так красиво, что Роберт замолкает и отводит взгляд, опускает взгляд, затем через минуту осмеливается снова взглянуть на нее из-под челки.

Ну да, и они «выходят» – уезжают, вынуждены уехать, – говорит сестра.

Роберт раскрывает рот, но не произносит ни звука.

Вот мне всегда было интересно, – нарочито бодренько говорит мать (она меняет тему). – Может, кто-то из вас, молодежи, меня просветит. Что же такое культура отмены?¹⁶

Никто не отвечает.

Прекрасная Шарлотта подается вперед.

(На Роберта веет ее ароматом.

Пахнет она потрясающе.)

Прекрасная Шарлотта подмигивает его матери.

Знаете, – говорит она, – вся эта история с Брекситом – пустое. Это как если, фу-ты... как если муха откладывает в

---

¹⁶ *Культура отмены* (англ. cancel culture) – современная форма ostracism, при которой человек или определенная группа лишаются поддержки и подвергаются осуждению в социальных или профессиональных сообществах.

группе яйца. Ведь все нужно поменять. Все.

И, чтобы просто восстановить справедливость, мать говорит, словно прекрасная Шарлотта ничего не сказала:

Наша ссора, моя размолвка с мужем не имела отношения к тому, за что я проголосовала, а имела отношение к тому, что ваш отец встретил Эшли.

Ну да, но мам, – говорит сестра. – Эшли он встретил в 2018-м. А съехал в 2016-м.

Мать пожимает плечами, глубоко вдыхает, выдыхает воздух к потолку и театрально смеется.

Дело с концом, – говорит сестра. – Нам уж точно конец.

Так будет лучше, – говорит мать. – Для всех. В результате.

Эйнштейн говорит, что будущее – это иллюзия, – говорит Роберт. – *А также* прошлое. *А также* настоящее.

Нельзя остановить изменения, – говорит мужчина, пришедший сюда с прекрасной гостьей Шарлоттой.

Это первое, что услышал от него Роберт.

Изменения просто наступают, и все, – говорит мужчина. – Наступают в силу необходимости. Нужно с этим смириться и извлечь что-нибудь из их влияния на тебя.

Превращение, – говорит Шарлотта. – Это всегда ответ на то, что не имеет ответа. Даже если это означает превращение в жука, по версии Кафки.

Ой, обожаю Кафку, – говорит мать. – «Книга должна стать топором, чтобы разбить замерзшее море у нас внутри». По моему, это одно из самых прекрасных высказываний.

Роберт переводит взгляд с мужчины на Шарлотту и опять с Шарлотты на мужчину. Нет. Они не спят друг с другом. Это всегда заметно. Между ними что-то есть. Но не это.

И мне стало интересно, – говорит мужчина. – Интересно, ваша подруга, в смысле, ваша соседка, как ее – Эшли?

Эшли, – говорит мать.

Она говорит это так, будто Эшли – ее собственность.

Интересно, у Эшли проблемы с речью, – говорит мужчина, – поскольку очень многое нужно сказать?

Ты имеешь в виду ощущение, будто сам служишь помехой для речи? – говорит Шарлотта.

Она говорит это красиво.

(Роберт раскрывает рот, и оттуда доносится шепот.)

Да.

Чего-чего, Роб? – говорит сестра.

Просто последнюю пару минут она недоверчиво его разглядывала. Она поднимает одну бровь. Затем переводит взгляд с него на Шарлотту и обратно на него и поднимает другую бровь.

Потому что... потому что книга Эшли как раз об этом. В смысле, о речи, – говорит Роберт.

Книга? – говорит мать.

Она пишет книгу, – говорит Роберт. – Ну, писала.

Эшли пишет книгу? – говорит мать.

Откуда ты знаешь? – говорит сестра.

Я ее читал. Немного, – говорит Роберт.

Эшли? – говорит сестра. – Разрешила тебе читать книгу? Которую сама пишет?

Она о лексике, – говорит он. – В политике. Главы названы словами или фразами.

Например? – говорит мать.

«Надувательство», – говорит он. – «Зубрилка». «Народное правительство». «Бой Биг-Бена». В конце есть раздел с объяснением слов. «Современная лексика». Там рассматриваются значения и история возникновения таких слов, как «леттербоксинг» или, э... «жопошники».

Слово слетает у него с языка раньше, чем он успевает опомниться. Он краснеет. Сестра хихикает.

Жопошники? – спрашивает Шарлотта. – И что она об этом пишет?

Ну типа, – говорит он. – Это слово происходит от слова, означающего, м-м...

(о нет)

ягодицы.

Сестра опять над ним хихикает.

Ты покраснел как помидор, – говорит она.

Дальше, – говорит Шарлотта.

Типа оно также означает «никчемный», – говорит он, – или «тот, кто плохо работает», или «ленивый, безответственный», или «бездомный человек». Так что в конечном счете это слово означает не только «гей», ведь оно включает в себе и весь прочий подтекст.

Подтекст. Фантастика, – говорит Шарлотта.

Есть глава и про слово «фантастика», – говорит он. – О том, как политики постоянно твердят, какая сейчас везде фантастика, какая будет фантастика, и о том, что это слово всегда должно стимулировать фантазию. А еще глава о том, что политики все время говорят о происходящем с точки зрения Второй мировой войны, чтобы люди были преданными, приняли их сторону и прониклись патриотическим духом.

Как эта книга называется? – говорит мать.

«Имморальное воображение», – говорит он.

Мать презрительно фыркает.

Ну, приплыли. Не существует такого явления, как имморальное воображение, – говорит мать. – Ведь не существует и такого явления, как моральное воображение. Сама мысль о том, что воображение как-то связано с моралью, сомнительна.

Н-да, – говорит мужчина.

Можно вообразить что угодно, – говорит Шарлотта. – Но любой человеческий поступок, даже акт воображения, подразумевает моральный контекст.

Да, – говорит Роберт. – Подразумевают, мам.

Но это же не означает, что воображение морально или имморально само по себе, – говорит мать.

Это предполагает, что мы вообще живем в соответствии с каким-нибудь этическим кодексом, – говорит Шарлотта.

Роберт очень энергично кивает.

Сестра смотрит на него и смеется.

Воображение свободно, как ветерок, – говорит мать.

Ну да, но ветерок-то не свободен, – говорит сестра. – На него влияет изменение климата, а теперь и ухудшение климата.

Ладно, не ветерок, но оно свободно, как... как самое свободное, что можно вообразить, помимо ветра, – говорит мать.

Ну в том-то и беда, – говорит Шарлотта. – Все зависит от того, что *можно* вообразить. А это обычно зависит от «духа времени» и от того, кто или что влияет на массовое воображение.

!

Она такая умная, что Роберт чувствует себя слабаком. Он сидит прямо, как певчий в церкви, у которого никогда не сломается голос. На нем эта одежда певчих типа блузы. Она ослепительно белая. Он никогда не чувствовал себя таким неприметным. Никогда не чувствовал себя таким чистым, от макушки до самых ногтей на ногах. Он был дочиста отмыт светом. Теперь он понимает, почему порнуха – совсем не то же самое, что любовь. Невозможно вытворять все это так бездумно, так оскорбительно с тем, кого так... так искренне боготворишь.

Боготворить! Разве он когда-нибудь думал, что употребит подобное слово в своей жизни?

Мать все еще разглагольствует.

Воображение может делать и делает все, что ему заблагорассудится, – говорит она.

«Не может, – думает Роберт. – Не должно».

Как Роберт с сиденьями велосипедов? – говорит сестра.

Роберт-певчий сгорает от стыда в своей воображаемой блузе.

Сиденья велосипедов, – говорит Шарлотта.

Она смотрит на его сестру, потом на Роберта. Сестра машет на него забинтованной рукой, словно маленькой дубиной пещерного человека, культей мумии. Роберт опускает и отводит взгляд. Голова горячая как огонь.

Ммфгм, – говорит он.

Ну да, и вообще, откуда он может хоть *что-нибудь* знать о том, чем там занимается Эшли? – говорит сестра. – Эшли его даже на *порог* не пустит. Уверена, он это выдумывает, чтобы привлечь внимание.

Нет. Ничего я не выдумываю. Я сфоткал себе на телефон пару страниц из ее книги. Вот что она пишет о слове «леттербоксинг».

Он листает телефон, увеличивает пальцем фото и зачитывает своим самым старательным дикторским голосом:

«Слово «леттербоксинг» составлено из двух английских слов, *letter* и *box*».

До чего же банальное вступление, – говорит мать.

«Слово *letter* происходит из среднеанглийского языка, ку-

да оно попало через старофранцузский, будучи латинского происхождения: *littera* означает «буква алфавита», а *litterae* – «письма». У слова несколько значений: от символа, или составной части алфавита, и письменного знака, представляющего звук, до письменного послания, часто отправляемого по почте. Слово может также отсылать к литературе и учености, в частности, научным достижениям, и к точности, особенно в вопросах права, как например, в выражениях «буква в букву» и «буква закона». Слово *box* изначально происходит от греческого *pyxis* и латинского *buxis*. Обычно им обозначают четырехстороннее вместилище для хранения чего-либо, иногда с крышкой; небольшую уединенную посадочную зону в театре; маленькую загородку; место водителя междугородного автобуса; щиток для гениталий у игрока в крикет...»

он краснеет

«влагалище...»

у него горит лицо

«гроб; небольшое вечнозеленое дерево или живую изгородь. У слова есть и другие производные значения, например, «глухой удар по голове», или «бить кулаком», как в слове *to box*, которое может также означать «ограждать», «запирать».

О господи, – говорит мать.

Это еще не все? – говорит Шарлотта.

Он качает головой.

«В британском обиходе слово *letterbox* обозначает отвер-

стие в двери или ящик, помещаемый снаружи дома и служащий надежным пунктом сбора либо доставки почты, или же место, отделение либо щель, посредством которых доставляемая или ожидающая доставки почта может благополучно сдаваться и забираться как доставщиком, так и получателем. Другие похожие слова – *pillarbox* (названный так из-за того, что ящик для сбора имеет форму столбика) и *mailbox*. В последние годы это слово также стало обозначать соотношение сторон изображения для кинофильмов, показываемых по телевизору, при котором на маленьком экране воссоздается широкоэкранный формат».

Поверхностно, – говорит мать.

Кто-нибудь хочет, чтобы я продолжал? – говорит он.

Я, – говорит Шарлотта.

«Культовый статус почтового ящика в Великобритании наглядно продемонстрирован в таком издании, как «Почтальон и почтовая служба», одной из детских книг серии «Люди за работой», вышедших в 1965 году в издательстве «Ледиберд» под рубрикой «Легкое чтение». (Эта книга была переиздана в 2016 году в честь 500-й годовщины Королевской почты.) На обложке помещена цветная иллюстрация с изображением почтальона, высыпавшего содержимое ярко-красного почтового ящика с королевскими регалиями спереди в коричневый мешок. Почтальон стоит у края тротуара рядом с другим традиционным британским атрибутом – красным фургоном «мини» (типичным почтовым фургоном того вре-

мени). Позади почтальона, за живой изгородью и штакетником, виден типичный британский загородный дом. Внутри книги помещены различные иллюстрации – от первых конных почтальонов вплоть до аппарата, изобретенного в XX веке для сбора почтовых мешков с движущихся поездов. В книге подробно рассказывается о покупке почтовых марок, пересылке писем, сортировке и доставке, объясняется, почему почтовые ящики красят в королевский красный цвет и каким образом Королевская почта получила свое название. В 1983 году издательство «Ледиберд» опубликовало другую книгу – «Почтовая служба», в серии «Люди, которые нам помогают». Это более современный взгляд на современную почтовую службу, со множеством фотографий, демонстрирующих труд специализированного сообщества на благо всего общества. В книге объясняется и прославляется удивительный каждодневный подвиг, в результате которого письменные сообщения со всей возможной скоростью перемещаются из места отсылки в место доставки благодаря государственному учреждению, прилагающему все силы для того, чтобы осуществлять доставку на все уровни и устанавливать связь между людьми по всевозможным причинам. Одним из центральных его символов на всем протяжении служил ярко-красный почтовый ящик Королевской почты».

В смысле, весьма содержательно, – говорит мать. – Но вряд ли это можно публиковать.

Ты еще не слышала последней части, – говорит он. – О

том, что культовый британский почтовый ящик означает в современной лексике.

Продолжай, – говорит Шарлотта.

«Летом 2018 года, после полемики с тогдашним премьер-министром Великобритании, рядовой ЧП, сложивший с себя обязанности министра иностранных дел – человек, который меньше чем через год сам станет премьер-министром, – написал статью, опубликованную в «Ивнинг стандарт», где заявил, что хотя лично он и не придерживается нетерпимого мнения о том, что мусульманкам, которые носят паранджу, закрывающую все лицо, следует запретить делать то, чего зачастую требует от них религия, но все же считает нелепым, когда мусульманки хотят быть похожими на почтовые ящики. Из-за такого выбора одежды, утверждал он, они напоминают не только почтовые ящики, но и грабителей банков.

За эту статью, написанную с нарушением министерского кодекса, он получил 275 000 фунтов стерлингов, и в последние дни она упоминалась в качестве причины усиления антимусульманских атак и инцидентов в Великобритании.

В преддверии всеобщих британских выборов 2019 года он неоднократно отказывался признать, что в риторически проводимой им мысли было хоть что-либо вредное, безответственное или настораживающее. Это происходило в то время, когда по всему миру участились атаки на людей с исламскими верованиями, когда сначала Америка, а затем Индия

закрыли границы для мусульман, причем Индия приняла законы против мусульман и инспирировала атаки, избиения, линчевания, аресты и убийства мусульман, а также недавнее оцепление всего Кашмира наряду с масштабной координированной международной консервативной милитаризацией и одновременной инициативой по созданию лагерей для «перевоспитания» мусульман в Китае».

Ничего себе, – говорит Шарлотта.

Эшли – респект, – говорит сестра. – Можно это Аят послать?

Нет, – говорит Роберт.

Современная лексика? – говорит Шарлотта. – Так она это называет?

Да, – говорит Роберт.

Спасибо, что зачитал, – говорит Шарлотта.

Да ладно, – говорит Роберт

Почему нельзя? – говорит сестра. – Она рассказала мне ужасную вещь – как мужчина остановил ее мать на улице возле их химчистки и сделал вид, будто пытается просунуть ей в глаза письмо, а затем попытался рассмешить всех прохожих на улице. Никто не рассмеялся. Просто он был похож на психа. Но это вообще-то произошло с ними после той статьи. Сумасшедшие совсем с ума походили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.